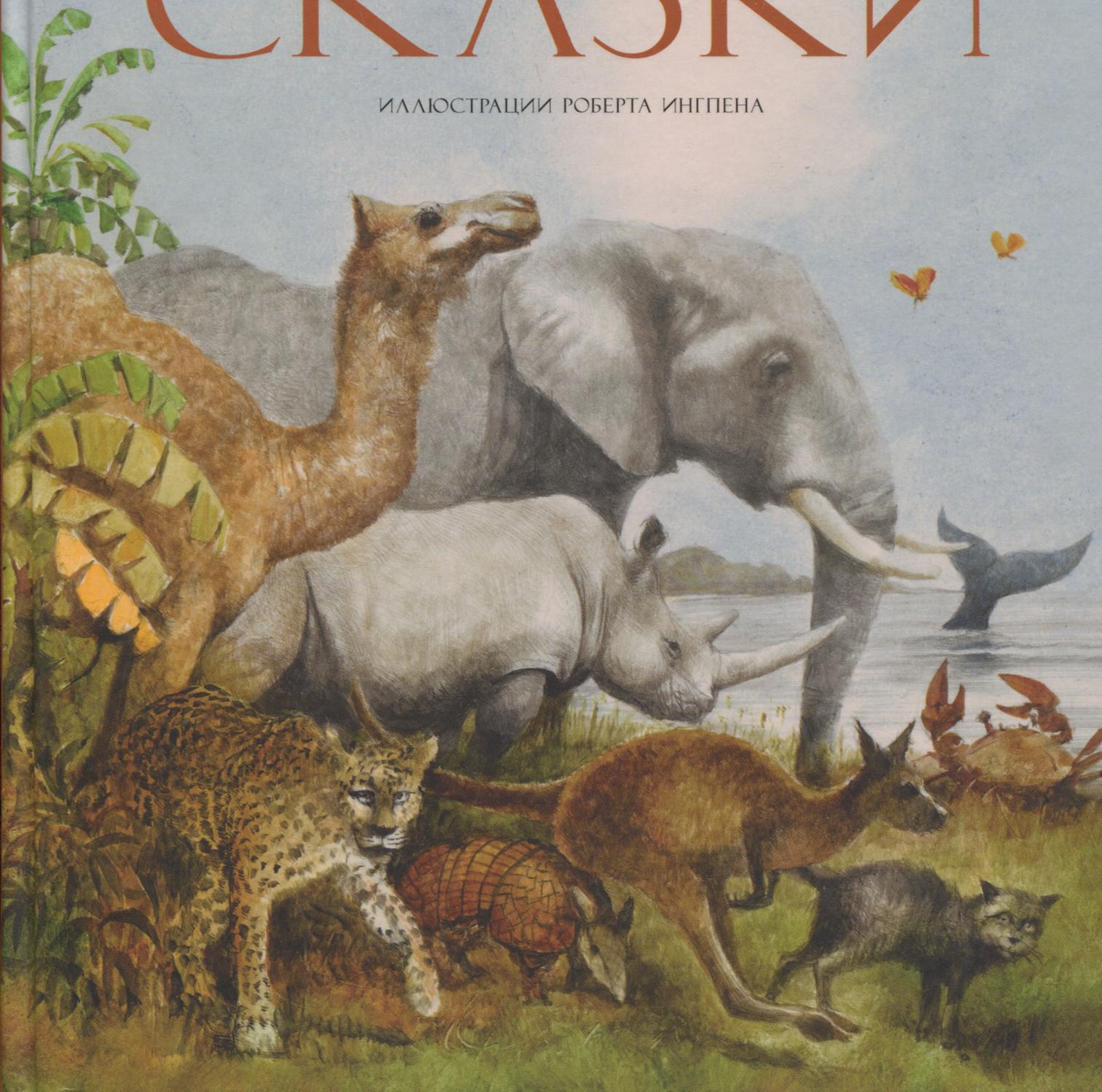
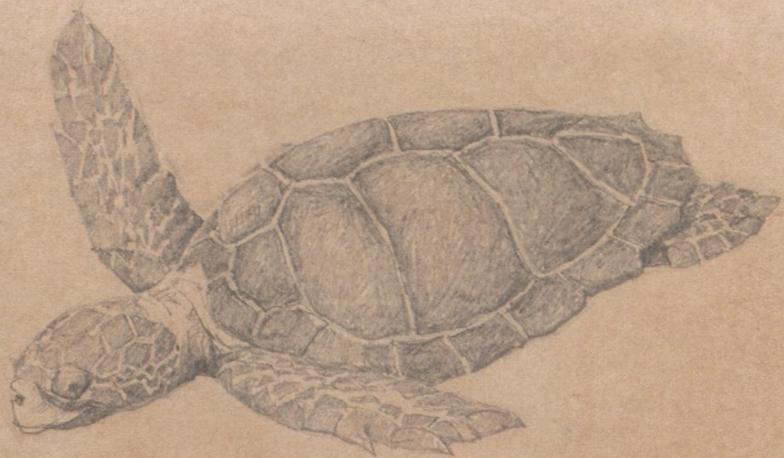

РЕДЪЯРД КИПЛИНГ

СКАЗКИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ РОБЕРТА ИНГПЕНА

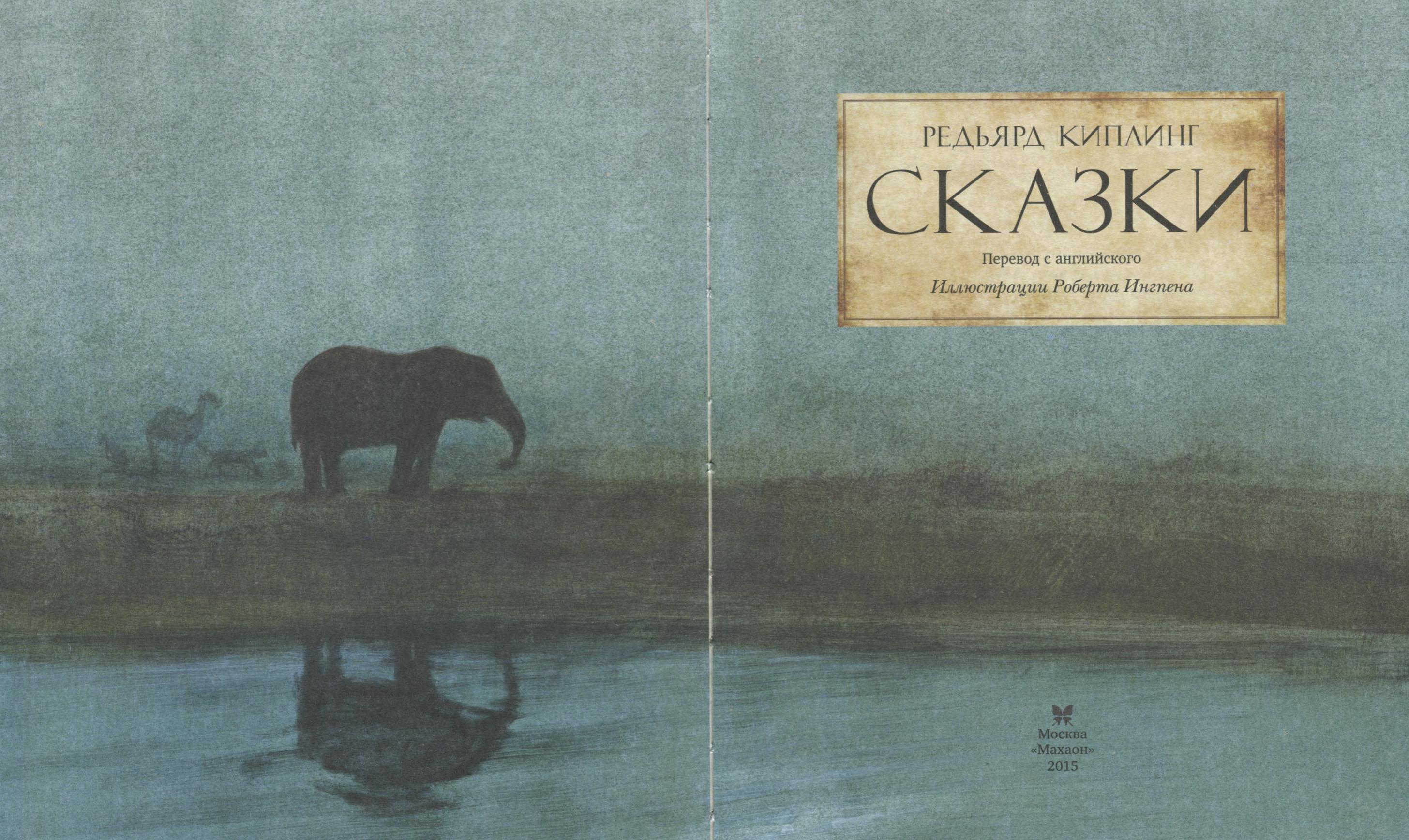

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

СКАЗКИ

Перевод с английского

Иллюстрации Роберта Инглена

Москва
«Махаон»
2015

УДК 821.111-34-93
ББК 84 (4Вел)
К42

Посвящаю Анджеле, спутнице моей жизни.

Р. Ингпен

Joseph Rudyard Kipling
JUST SO STORIES

Перевод с английского
К. Атарова, Н. Голь, С. Маршак,
Р. Померанцева, К. Чуковский, Я. Шапиро

Киплинг Дж. Р.

К42 Сказки: Пер. с англ. К. Атаровой, Н. Голя, С. Маршака, Р. Померанцевой, К. Чуковского, Я. Шапиро/ Худож. Р. Ингпен. – М.: Махаон, 2015. – 192 с.: ил.

ISBN 978-5-389-05885-9 (рус.)

ISBN 978-0-9571483-1-4 (англ.)

Великий английский писатель, первый из британских писателей лауреат Нобелевской премии в области литературы, Редьярд Киплинг – явление необыкновенное, а его произведения – всегда выдающееся событие. Таким событием стали и его истории о сотворении мира и о первых животных, увидевшие свет более ста лет назад. Киплинг придумывал их для своей дочери, которая умерла в шесть лет. Потрясённый этой страшной потерей, писатель завершил истории, которые они сочиняли вместе с дочерью, и создал целую сокровищницу сказок. Богатые поэтичными образами, эти сказки очаровывают и детей и взрослых. Перед вами – роскошное издание, которое замечательно тем, что в него вошли полные тексты всех сказок, в том числе «История про тегумайские табу» (обычно она не включалась в современные издания), а также тем, что эти сказки вдохновили знаменитого художника Роберта Ингпена, который не просто проиллюстрировал киплингские шедевры, но и обогатил их, создав новые потрясающие образы.

УДК 821.111-34-93

ББК 84(4Вел)

© Атарова К. Н., перевод на русский язык, 2015
© Голь Н. М., перевод на русский язык, 2015
© Маршак С. Я., перевод на русский язык, наследники, 2015
© Померанцева Р. Н., перевод на русский язык, наследники, 2015
© Чуковская Е. Ц., перевод на русский язык, 2015
© Шапиро Я. Л., перевод на русский язык, 2015
Иллюстрации © 2013 Robert Ingpen
Created by Palazzo Editions Ltd, Bath, United Kingdom
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
Machaon®

ISBN 978-5-389-05885-9 (рус.)
ISBN 978-0-9571483-1-4 (англ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе (перевод М. Лахути)	6
Откуда у Кита такая глотка	11
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе С. Маршака	
Отчего у Верблюда горб	20
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе С. Маршака	
Откуда у Носорога такая шкура	31
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе С. Маршака	
Как Леопард стал пятнистым	38
Перевод Р. Померанцевой	
Слонёнок	50
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе С. Маршака	
Сказание о Старом Кенгуру	64
Перевод Р. Померанцевой	
Откуда взялись Броненосцы	74
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе С. Маршака	
Как было написано первое письмо	88
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе Н. Голя	
Как был придуман алфавит	102
Перевод Р. Померанцевой, стихи в переводе К. Атаровой	
История про тегумайские табу	118
Перевод Я. Шапиро	
Краб, который играл с морем	136
Перевод Р. Померанцевой	
Кошка, гулявшая сама по себе	153
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе С. Маршака	
Мотылёк, который топнул ногой	171
Перевод К. Чуковского, стихи в переводе Н. Голя	
От художника (перевод М. Лахути)	188

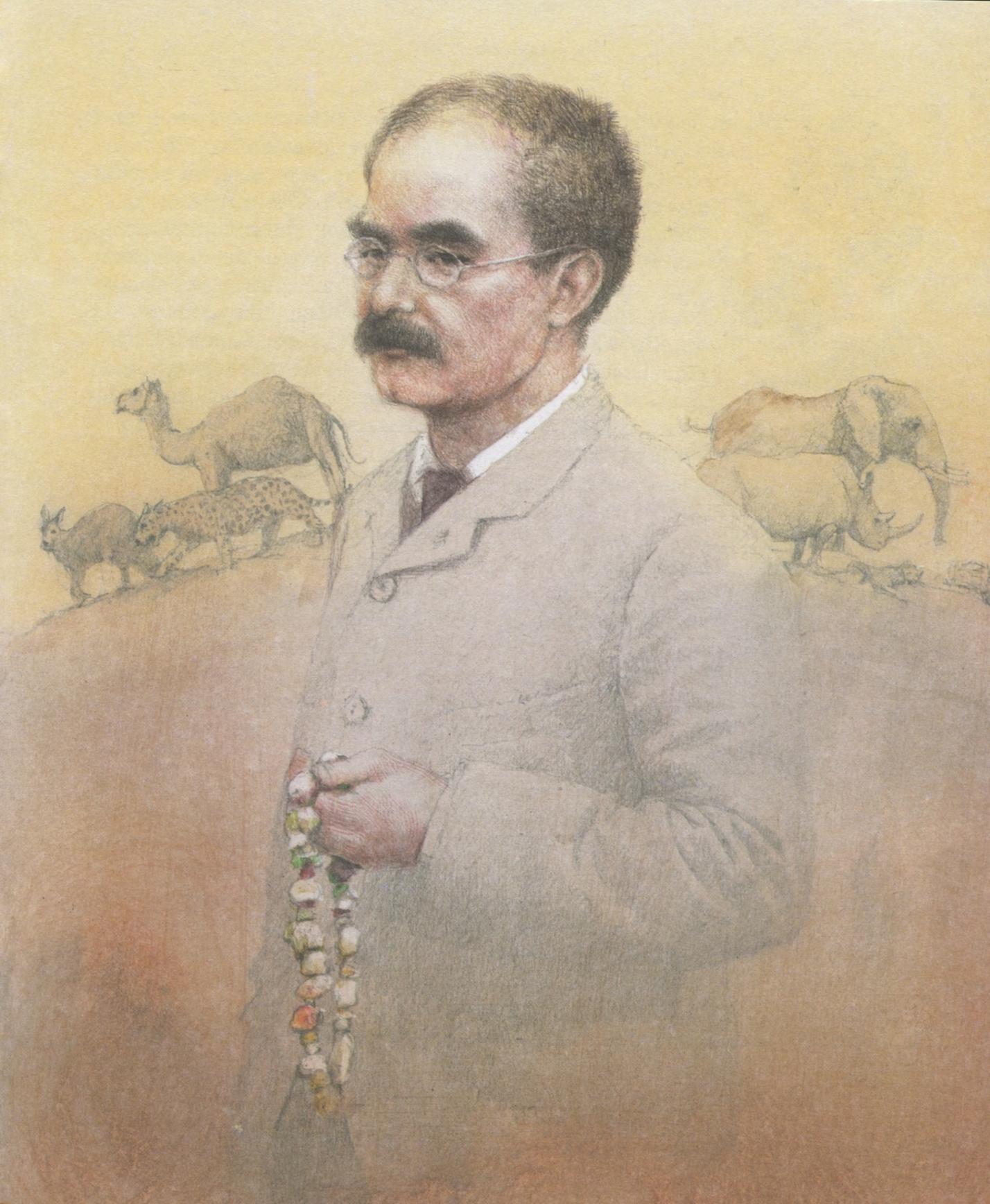
Редьярд Киплинг (1865–1936)

Джозеф Редьярд Киплинг родился в декабре 1865 года в городе Бомбее (ныне Мумбаи). Отец его Джон Локвуд Киплинг был художником и преподавателем, а мать Алиса Макдональд Киплинг – одна из четырёх сестёр Макдональд, известных тем, что выходили замуж за выдающихся людей своего времени. Художники сэр Эдвард Бернс-Джонс и сэр Эдвард Пойнтер, а также промышленник Альфред Болдуин приходились Киплингу дядюшками.

Раннее детство Киплинга проходило в идиллической обстановке, в экзотических индийских краях, однако в возрасте шести лет его вместе с младшей сестрёнкой Алисой отправили учиться в Англию. Шесть лет брат и сестра терпели самое жестокое обращение. Позже Киплинг говорил, что эти печальные годы развили в нём способности писателя: «Меня и раньше иногда колотили, но тут было рассчитанное, изошрённое мучение... Зато я стал тщательно продумывать неизбежное в иных случаях враньё, а это, на мой взгляд, есть основа всякого литературного труда».

В двенадцать Киплинг поступил в частную школу в Девоне. Там близорукого болезненного мальчика тоже часто обижали, и тем не менее в девонской школе у Киплинга появились друзья и развилась любовь к литературе. Когда ему исполнилось шестнадцать, учителя объявили, что его успехи в учебе недостаточны для получения стипендии в Оксфордском университете, а родители не могли оплатить ему дальнейшее обучение. В 1882 году Киплинг вернулся в Индию и начал работать в англо-индийской газете в Лахоре. В свободное время он сочинял стихи и рассказы. Многие из них публиковались в газете наряду с его репортажами. В 1886 году вышел первый стихотворный сборник Киплинга – «Департаментские песни», а в последующие три года – шесть книг рассказов в серии «Библиотека Индийской железной дороги». И стихи, и рассказы сразу же получили широкую известность.

В 1889 году Киплинг отправился в большое путешествие. Он побывал в Китае, Японии и Соединённых Штатах. В Лондоне писателя встретили с восторгом, и он вошёл в круг известных литераторов той эпохи. В 1892 году был издан сборник военных стихов и песен под названием «Казарменные баллады», куда вошли знаменитые стихотворения «Мандалей» и «Ганга Дин». Эта книга получила успех у читателей и одобрение критиков.

В 1892 году Киплинг женился на американке Каролине Балестье. Вскоре супруги переехали в Вермонт, где прожили четыре счастливых года. Там у них родились дочери Джозефина и Элси, а Киплинг написал несколько своих лучших произведений, в том числе «Книгу джунглей» (1894), «Отважных мореплавателей» (1897) и большую часть романа «Ким» (1901).

В 1896 году Киплинги вернулись в Англию и поселились в Сассексе, где появился на свет их сын Джон. К этому времени Киплинг стал всемирно известным писателем и весьма богатым человеком. Жизнь была безоблачна, и вдруг на семью обрушилась трагедия. В 1899 году во время поездки в Америку шестилетняя Джозефина умерла от пневмонии. Киплинг, едва перенёсший ту же болезнь, был убит горем. В следующем году он начал работу над книгой сказок, придуманных для любимой дочери, – о сотворении мира и о первых зверях. Если он, рассказывая, ошибался хоть в одном слове, Джозефина немедленно поправляла его: «Папа, не так! Рассказывай вот так!»

Сборник сказок «Just So Stories for Little Children» впервые был издан в 1902 году. Сказки полны веселья, словесной игры и огромной любви к дочери. Писатель включил в них много семейных шуток. Киплинг с нежностью обращается к своей «самой любимой*». Первоначально книга состояла из двенадцати сказок, позднее была добавлена ещё одна – «The Tabu Tale». Это одна из трёх историй об отце и его маленькой дочке Таффи, об их привязанности друг к другу.

В 1902 году Киплинги купили в Сассексе красивый особняк семнадцатого века, где писатель прожил остаток жизни, хотя они по-прежнему много путешествовали и несколько раз проводили зиму в Южной Африке.

* В русских переводах сложилась традиция обращения «мой милый мальчик». (Прим. перев.)

В поздних произведениях Киплинга отразился его более мрачный взгляд на мир. В 1915 году он перенёс вторую утрату – в Первой мировой войне погиб его сын Джон.

Говорят, Киплинг отклонил многие предложенные ему награды, в том числе посвящение в рыцари, звание Поэта-лауреата (придворного поэта) и почётнейший орден «За заслуги». Во всяком случае, в 1907 году он первым из английских писателей был удостоен Нобелевской премии по литературе. Умер Киплинг в январе 1936 года. Он похоронен в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства, рядом с величайшими английскими поэтами и писателями.

Откуда у Кита ТАКАЯ ГЛОТКА

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белуг, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотвичку, и её сестричку, и шустрого, быстрого вьюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам – и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её заглотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

– Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

– Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

– Нет, – ответил Кит. – А каков он на вкус?

– Очень вкусный, – сказала Рыбка. – Вкусный, но немного колючий.

– Ну так принеси мне их сюда с полдесятка, – сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

– Хватит тебе и одного! – сказала Малютка-Колюшка. – Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одёжки на нём что синие холщовые штаны, да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!), да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса

A painting depicting a large whale's head and tail in the ocean. The whale's head is on the right, with its eye and part of its mouth visible. The tail is on the left, curving upwards. In the lower-left quadrant, a small boat with two people is on the water. One person is standing in the boat, holding a long pole or oar. The water is rendered with textured brushstrokes in various shades of blue and green. The overall style is painterly and somewhat somber.

На этой картинке нарисован Кит.
Он проглатывает моряка, человека
донельзя умного и находчивого.
Проглатывает он также его плот,
штаны, нож и подтяжки.

северной широты. Видит, и правда: посреди моря – плот, на плоту – Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!), да сбоку у пояса охотничий нож, и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволяла ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (*пожалуйста*, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся – вот так! – и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыряться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топать, стучать, брнчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо. (*Надеюсь*, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

– Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

– Ну так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон, – посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

– Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

– Ну нет, – сказал Моряк, – мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам, к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

– Нечего делать, вези его домой, – сказала хитрая Рыбка Киту. – Ведь я говорила тебе, что он человек безграничной мудрости и изобретательности.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть – всё шире, и шире, и шире, и шире – и сказал Человеку:

– Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэло, Нашьюа, Кин и Фитчбург.

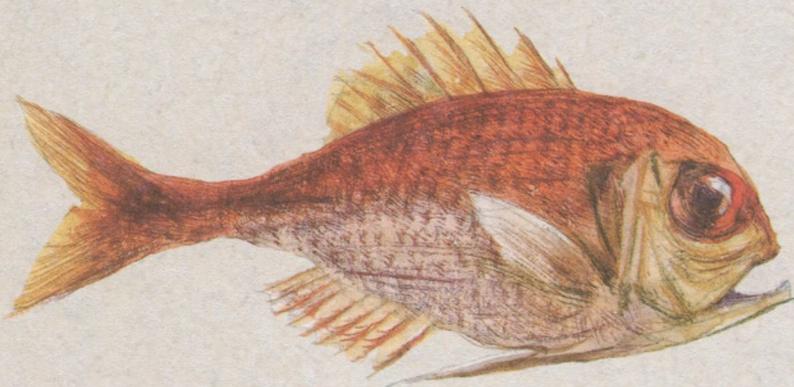
Чуть он сказал: «Фитч!» – изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень мудрый и изобретательный. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (*теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!*), и у него получилась решётка, которой он и загородил Кита горло. При этом он сказал волшебные слова.

Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

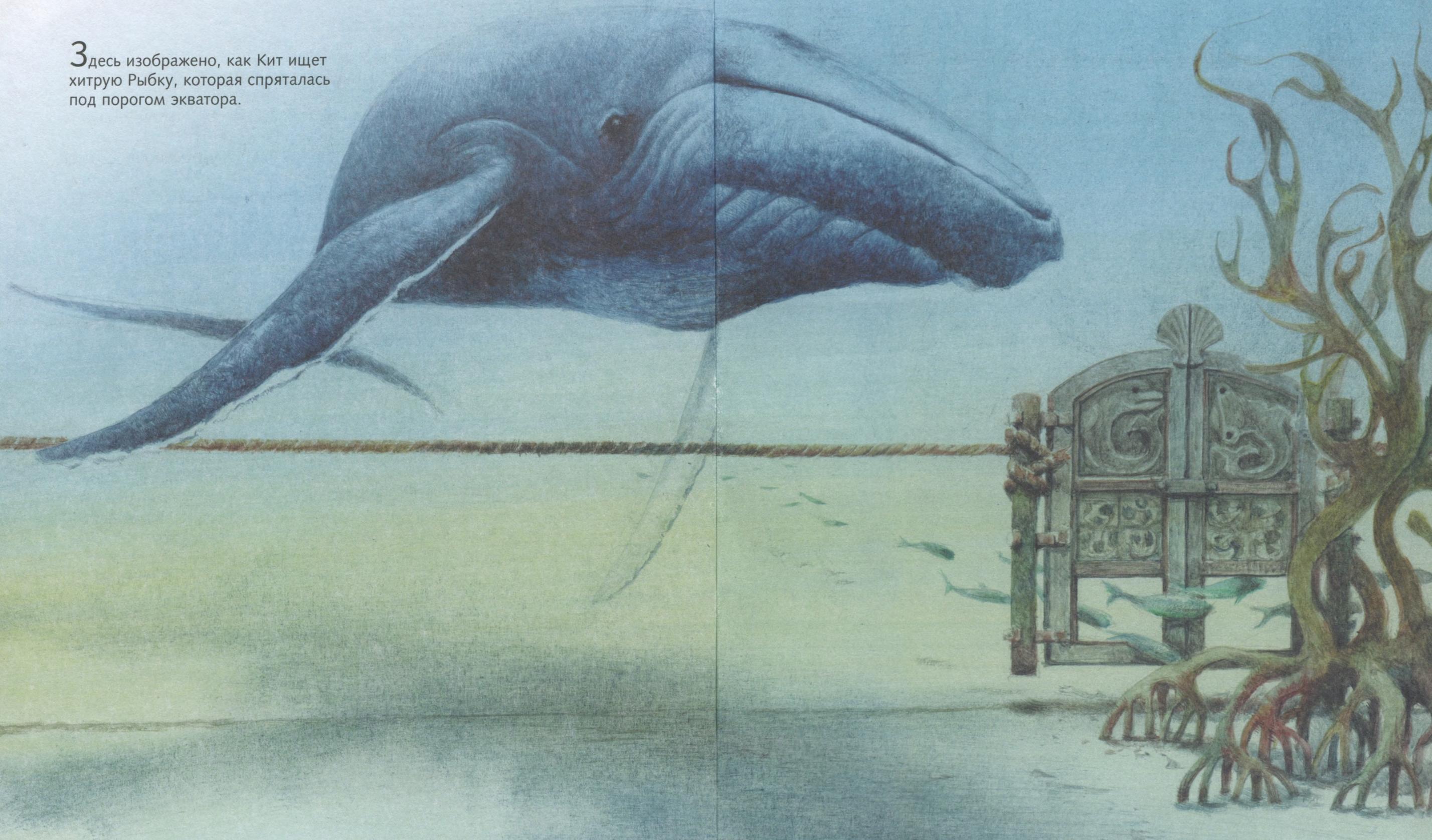
– Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился и стал жить-поживать и был очень счастлив. Кит тоже женился и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

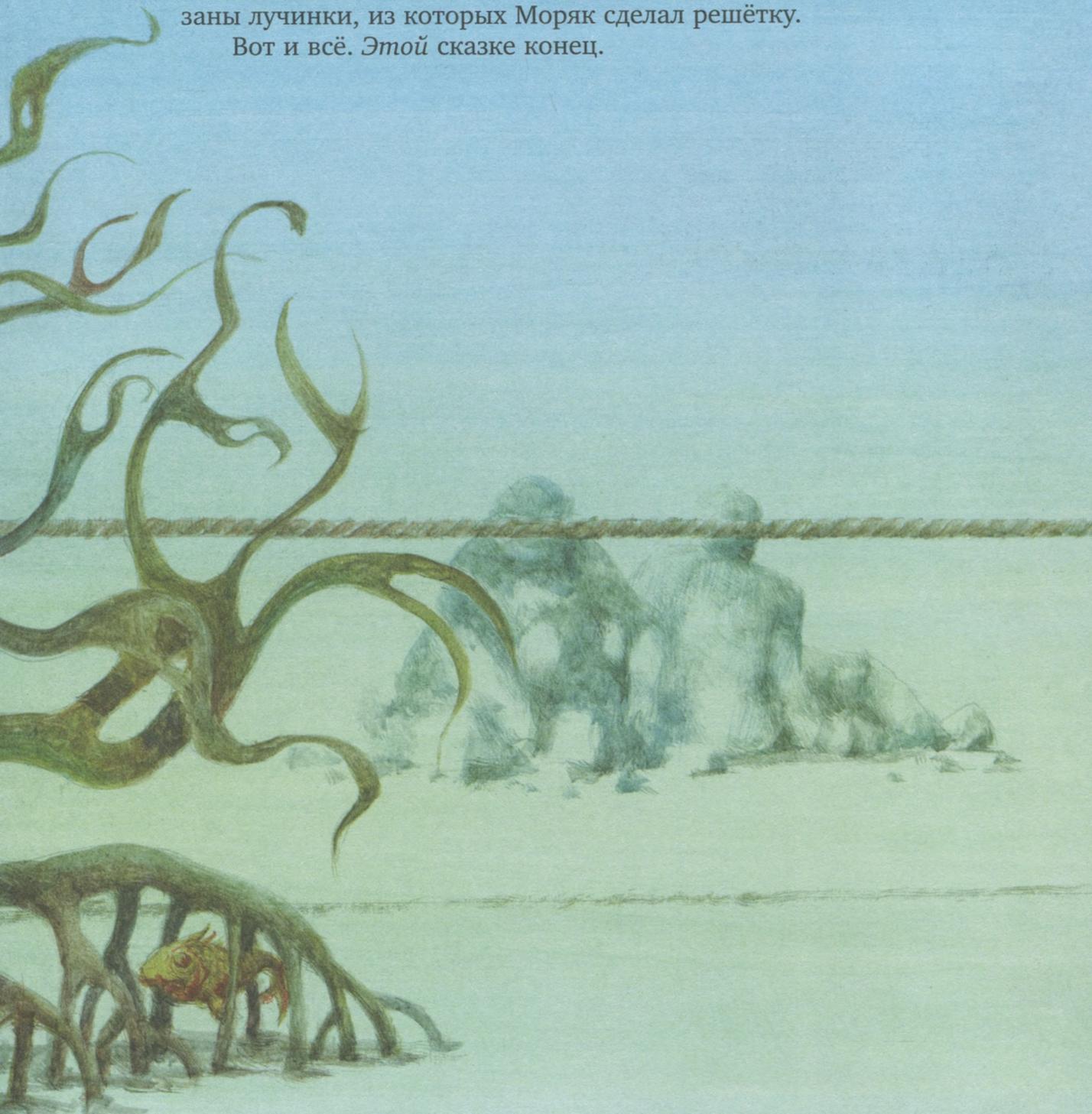
Здесь изображено, как Кит ищет хитрую Рыбку, которая спряталась под порогом экватора.

Моряк захватил с собою охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

Вот и всё. *Этой сказке конец.*

Если в стёклах каюты
Зелёная тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеётся,
Не пьёт и не ест, –
Вот тогда нам понятно,
Что значат слова:
Сорок Норд,
Пятьдесят Вест!

ОТЧЕГО У ВЕРБЛЮДА ГОРБ

Вот ещё одна сказка, и в ней я хочу рассказать, откуда взялся на спине у Верблюда такой большой горб.

В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная. Животные с первых же дней стали служить Человеку. Но в Ужасно-Унылой Пустыне жил Ужасно-Унылый Верблюд, который и не думал работать. Он ел сухие колючки, жёсткие ветки, тамариск, терновник и кору, но работать ни за что не хотел – такой бессовестный бездельник и лентяй! И что бы ни говорили ему, он на всё отвечал:

– Гррб!

Только «Гррб» – и больше ничего.

Вот однажды, в понедельник утром, пришёл к нему Конь. На спине у Коня было седло, в зубах уздечка.

– Верблюд, о Верблюд! – сказал он. – Ступай к Человеку и начни бегать рысью, как мы.

– Гррб! – ответил Верблюд, а Конь пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого к Верблуду пришёл Пёс. В зубах у него была палка. Он пришёл и сказал:

– Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку, научись ходить вместе с ним на охоту, как мы.

– Гррб! – ответил Верблюд, а Пёс пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого пришёл к Верблуду Бык. На шее у Быка было ярмо. Он сказал:

– Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку и паши землю, как мы.

– Гррб! – ответил Верблюд, а Бык пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вечером Человек позвал Коня, Пса и Быка и сказал:

– Конь, Пёс и Бык, мне очень вас жалко (ведь мир был совсем ещё новенький), – но зверь, который кричит «Гррб» в той Пустыне, не способен ни к какой работе, а то бы он давно пришёл ко мне. Пусть себе живёт в своей Пустыне, я не трону его, но вам придётся работать вдвойне – и за себя, и за него.

Тогда Конь, Пёс и Бык очень рассердились (ведь мир был ещё очень новый!). Они направились к самому краю Пустыни и стали громко обсуждать, что им делать, и лаяли, и ржали, и мычали.

К ним подошёл Верблюд – бессовестный бездельник и лентяй! – и, лениво пережёвывая сухую траву, стал насмеяться над ними. Потом он сказал «Гррб» и удалился.

Мимо по дороге мчался в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь. (Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи.) Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

– Владыка Всех Пустынь! – сказал Конь. – Кто имеет право бездельничать, если мир такой новый и в нём ещё так много работы?

– Никто, – ответил Джинн.

– А вот, – сказал Конь, – в твоей Ужасно-Унылой Пустыне живёт Ужасно-Унылый Зверь, с длинной шеей, с длинными ногами, который с самого утра, с понедельника, не подумал взяться за работу. Не желает бегать рысью – ни за что!

– Фью! – свистнул Джинн. – Да это мой Верблюд, клянусь золотом Аравии! Что же он говорит?

– Он говорит одно слово: «Гррб», – сказал Пёс. – «Гррб» – и больше ничего. И не желает помогать Человеку охотиться.

– А что ещё он говорит? – спросил Джинн.

– Больше ничего, только «Гррб», и не желает пахать, – ответил Бык.

– Отлично! – воскликнул Джинн. – Пожалуйста, подождите минутку, я сейчас покажу ему «Гррб».

Он завернулся в свой плащ из пыли и помчался в Пустыню.

Там он нашёл Верблюда. Тот стоял и любовался своим отражением в луже – бессовестный лентяй и бездельник.

– Мой лукавый длинноногий друг, – сказал Джинн, – я слышал, что ты не желаешь работать в нашем новом-новёхоньком мире. Что это значит?

– Гррб! – ответил Верблюд.

A detailed illustration showing three animals. On the left, a large grey donkey's head is shown in profile, looking towards the right. In the bottom left, a small, thin brown dog stands on all fours, looking up at the donkey. On the right, a large brown bull's head is shown in profile, looking towards the left. The background is a plain, light beige color.

Джинн сел на песок и, опершись подбородком на руку, принялся колдовать, а Верблюд стоял и как ни в чём не бывало любовался своим отражением в луже.

– Конь, Бык и Пёс работали с самого утра, с понедельника, и работали больше, чем надо, оттого что ты такой бессовестный лентяй и бездельник, – сказал Джинн.

И он опять опёрся рукой о подбородок и продолжал колдовать.

– Гррб! – повторил Верблюд.

Э то стоит Джинн, который заведует всеми пустынями; он колдует своим волшебным веером.

На этой картинке нарисован Джинн, волшебник; он начал колдовать, и после этого колдовства на спине Верблюда появился горб.

– И как тебе не надоест это слово? Который раз ты повторяешь его? Бессовестный лентяй и бездельник, я хочу, чтобы ты стал работать!

– Гррб! – повторил Верблюд.

И вдруг спина, которой он так гордился, начала у него пухнуть, и пухла, и пухла, и у него вздулся огромный горб.

– Полюбуйся! – сказал Джинн. – Это тот самый «Гррб», о котором ты постоянно твердишь. Он вырос у тебя оттого, что ты бессовестный лентяй и бездельник. Работа началась с понедельника, сегодня четверг, а ты до сих пор ещё не принялся за работу. Но теперь ты начнёшь работать!

– Как же я буду работать, если у меня огромный Гррб? – спросил Верблюд.

– А это тебе в наказание! – ответил Джинн. – За то, что ты прогулял трое суток. Но теперь ты можешь работать три дня без всякой пищи, потому что ты будешь есть свой собственный Гррб. Жил же ты три дня одним только «Гррб». После этого, я надеюсь, ты не станешь говорить, что я о тебе не забочусь. А теперь уходи из Пустыни, ступай к Коню, Псу и Быку и смотри веди себя хорошо.

И пошёл Верблюд со своим горбом к Коню, Псу и Быку. И до сих пор он таскает на спине свой горб (мы не говорим уже «Гррб», мы говорим «горб», чтобы не обидеть Верблюда), и до сих пор он не может наверстать те три дня, которые он прогулял вначале, когда земля была новая, и до сих пор он не может научиться, как нужно себя вести.

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Ещё хуже,
Ещё неуклюжей
Растёт у меня и у вас.

У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечёсанный, грязный,
Появится

Горб,
Невиданный горб,
Мохнатый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснёмся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и чёрный?

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой,
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной,
И голод, и труд благотворный
Разглядят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

ОТКУДА У НОСОРОГА ТАКАЯ ШКУРА

В некотором царстве, в некотором государстве, на Красном море, у самого берега, стоял Необитаемый остров. На острове жил парс, а у парса была шапка, и она блестела на солнце, как солнце. Только и было добра у парса, что шапка, да нож, да печка, – а вам эту печку трогать руками нельзя.

И вот один раз взял парс изюму, и муки, и воды, и слив, и сахару, и всякой всячины, смешал всё в кучу и сделал себе пирог, великолепнейший волшебный пирог в двадцать сантиметров длины, тридцать сантиметров ширины; и поставил его на печку: ему, значит, можно было подходить к этой печке. И так он пёк этот пирог, что тот зарумянился и дух от него пошёл восхитительный.

Но только парс открывает рот и хочет съесть свой пирог, смотрит – идёт Носорог; а у Носорога на носу рог, и глазки у него пороссячи, и манеры у него очень плохие.

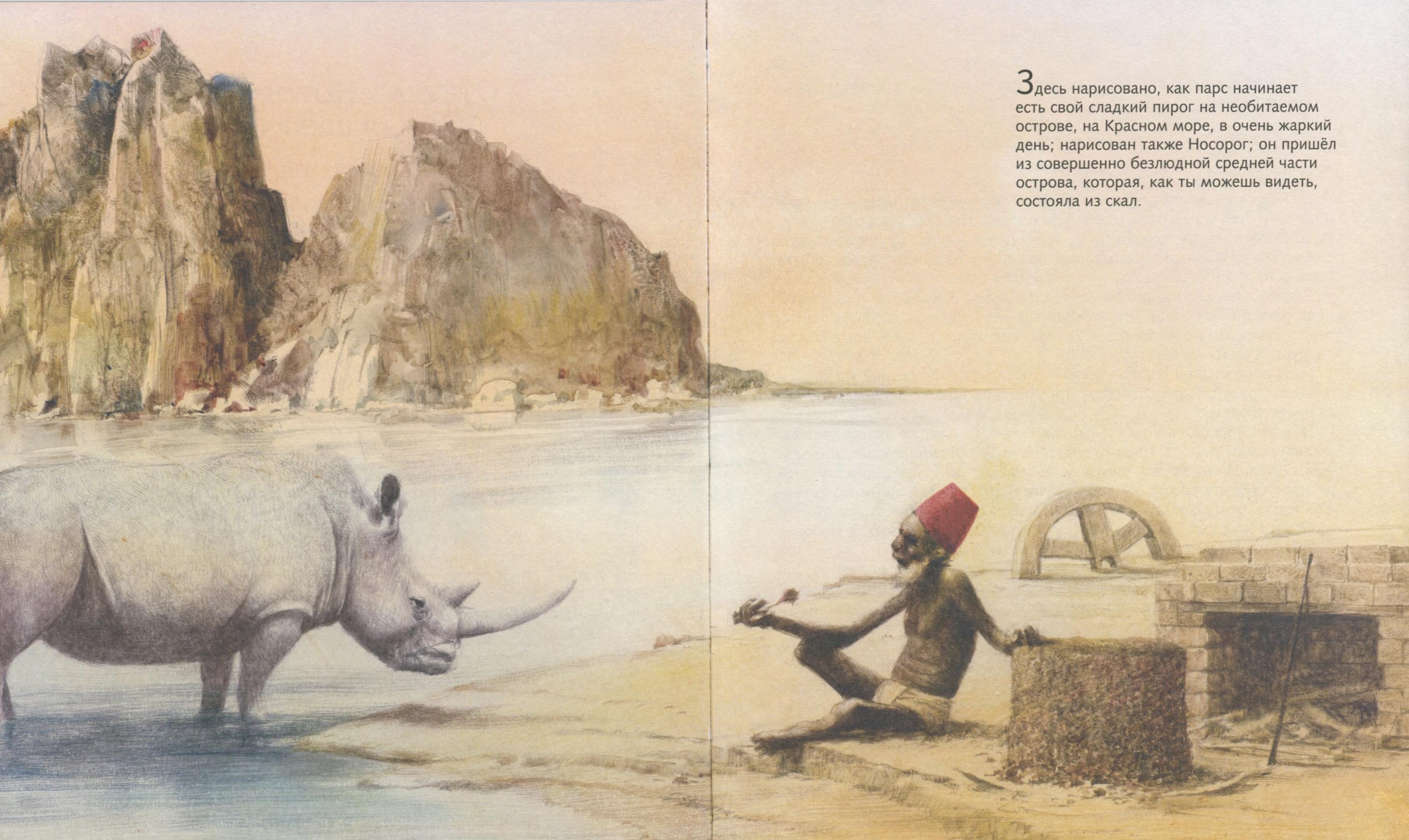
В те времена Носороги носили шкуру в обтяжку, без единой складочки, и очень смахивали на деревянных, игрушечных, только были, понятно, крупнее. Всё же они и теперь невоспитанные, и прежде были невоспитанные, и всегда будут невоспитанные.

Носорог сказал:

– Угу!

И покинул парс пирог, и бросился к пальме, и, в чём был, полез на верхушку; а был он в одной только шапке, и шапка блестела на солнце, как солнце.

И ткнул Носорог его печку носом, и печка перевернулась вверх дном, и покатился пирог по песку, и поддел Носорог пирог на рог и стал его есть, а съевши, ушёл в безлюдную, необитаемую пустыню, по соседству с островами Мазендеран, Сокотра и мысами Великого Равноденствия.

Здесь нарисовано, как парс начинает есть свой сладкий пирог на необитаемом острове, на Красном море, в очень жаркий день; нарисован также Носорог; он пришёл из совершенно безлюдной средней части острова, которая, как ты можешь видеть, состояла из скал.

Тогда парс слез с дерева, поставил печку на ножки и проговорил такое заклятие:

– Если шкура тебе дорога,
Не бери пирога на рога.

И, ах, это было неспроста!

Потому что прошло пять недель, и в Красном море наступила жара, и каждый стал сбрасывать с себя всю одежду. Парс сбросил с себя шапку, а Носорог шкуру, перекинул её через плечо и пошёл купаться. Тогда ещё шкура у Носорога застёгивалась на животе на три пуговицы и была похожа на резиновый плащ.

Встретив парса, Носорог ни слова не сказал о его пироге, потому что, повторяю, он был очень невоспитанный – прежде, теперь и всегда. Переваливаясь, он прямо полез в воду и стал пускать через нос пузыри, а шкуру оставил на берегу.

Идёт парс мимо и видит – шкура. Улыбнулся парс хитрой улыбкой – и раз, и другой. Потом трижды протанцевал вокруг шкуры, потирая от радости руки.

Потом он бросился к своему жилью и набрал полную шапку крошек, оставшихся от пирога. Парс только и ел что пироги, а крошек никогда не выметал. И он взял эту шкуру, и он смял эту шкуру, и потёр эту шкуру, и простёр эту шкуру, и набил её снизу доверху засохшими, жёсткими, чёрствыми, колючими крошками и горелыми изюминками. Потом взобрался на свою высокую пальму и стал поджидать, чтобы Носорог вышел из воды и напялил свою шкуру на себя.

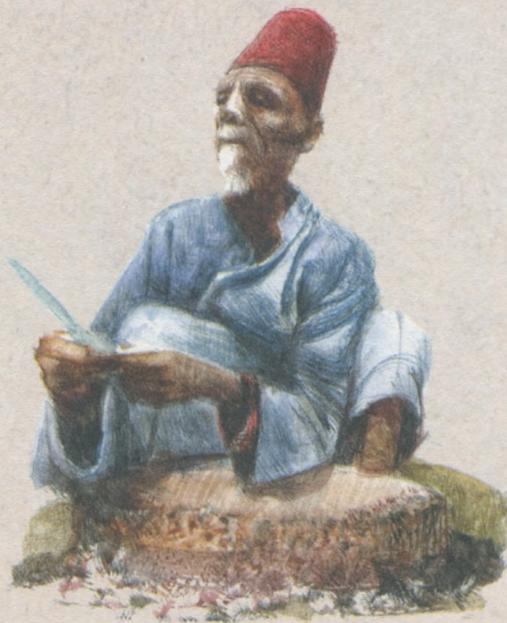
Носорог так и сделал. Он застегнулся на три пуговицы, и тотчас же его зацарапало, как царапают крошки в кровати. Ему хотелось почесаться, но от этого стало ещё хуже. Грохнулся он тогда об землю и пошёл кататься по земле, и катался, и катался, и катался, и чем больше катался, тем больше донимали его крошки – и всё хуже, и хуже, и хуже. Кинулся Носорог к пальме и стал тереться об неё, и тёрся, и тёрся, и тёрся. И так долго он тёрся, и так сильно он тёрся, что натёр себе на шкуре большие складки – одну над плечами и другую на животе, где прежде были пуговицы (но он оттёр эти пуговицы прочь), и ещё натёр складки у себя на ногах. И это очень испортило характер Носорога, но не избавило его от крошек. Крошки остались у него за шкурой

и царапали как ни в чём не бывало. И он пошёл домой весь исцарапанный и ужасно сердитый. И с тех пор до сего дня у каждого Носорога очень толстые складки на шкуре и очень скверный характер, и всё потому, что за шкурой у него крошки от пирога.

А парс спустился с пальмы, нахлобучил шапку, блестящую на солнце, как солнце, и ушёл с того места прочь по направлению к Оротаво, Амигдале, Верхним Долинам Анантариво и Болотам Сонапута.

Это очень дальний остров –
Он у мыса Гардафой,
Где, у берегов Сокотры,
Аравийских волн прибой.
Но, увы, там слишком жарко
Для таких, как мы с тобой,
Чтобы мчаться
Любоваться
Парсом и его стряпнёй.

Парс сидит на пальме и смотрит, как Носорог, скинув с себя свою шкуру, купается подле отмели совершенно Необитаемого острова. Парс всыпал в шкуру крошки и улыбается, думая, как сильно будут они щекотать Носорога, когда тот снова наденет её.

КАК ЛЕОПАРД СТАЛ ПЯТНИСТЫМ

В первые дни творенья, когда все жили счастливо, мой милый, Леопард обитал в одном месте, которое звалось Высокой Степью. И запомни, то была не Низкая Степь, не Кустистая Степь, не Болотистая Степь, а ужасно голая, знойная, солнечная Высокая Степь, где повсюду был лишь песок да песчаного цвета скалы, а ещё росли пучочки ужасно жёлтой травы. Жили здесь Жираф, Зебра, Антилопа, Куду и Лось; и все они были сплошь песочно-коричневато-жёлтые, но Леопард был из них самый песочно-коричневато-жёлтый, ужасно походил на серовато-желтоватую кошку и совершенно сливался со всей желтовато-серовато-коричневатой Высокой Степью. Это было просто бедой для Жирафа, Зебры и всех остальных, потому что он имел обыкновение лежать у какого-нибудь серовато-желтовато-коричневого камня или кустика травы, и, когда Жираф, Зебра, Антилопа, Куду или Сайгак проходили мимо, он внезапно кидался на них, и уже больше они не скакали, не прыгали. Да-да, именно так! А ещё кроме Леопарда в Высокой Степи как на грех жил Эфиоп с луком и стрелами (ну, такой ужасно серовато-коричневато-жёлтый человек); и обычно они охотились вместе: Эфиоп, с луком и стрелами, и Леопард, с ужасными своими зубами и когтями. Они всё охотились и охотились, и Жираф, Антилопа, Куду, Квагга и все остальные уже просто не знали, куда деваться, мой милый. Ну просто совсем не знали!

С течением времени (а в те дни все жили очень подолгу) они научились остерегаться всего, что походило на Леопарда или на Эфиопа, и вот один за другим – почин положил Жираф, ведь у него были самые длинные ноги, – они ушли прочь из Высокой Степи. Они бежали день, и другой, и третий, пока не достигли ужасно густого леса, где было полным-полно деревьев и кустов и лежали тени – пятнистые, полосатые и пёстро-красчатые; здесь они и спрятались. Время себе шло

и шло, а звери бродили когда в лесной чаще, когда на опушке, и, так как по ним то и дело скользили и пробегали тени, Жираф стал крапчатым, Зебра – полосатой, а Куду и Антилопа потемнели, и на спине у них появились волнистые серые полосы, наподобие древесной коры. Теперь их можно было слышать, чуют, но видеть их удавалось очень редко – только если точно знаешь, куда смотреть. Они распрекрасно проводили время в этой пёстро-крапчатой лесной тени, а покуда Леопард с Эфиопом бегали по своей ужасной серо-жёлто-красной Высокой Степи, удивлялись, куда подевались их завтраки, обеды и ужины. Наконец они так проголодались, этот Леопард с Эфиопом, что стали есть крыс, жуков и кроликов, и у обоих у них страшно разболелись животы. И тут они встретили Павиана – лающую обезьяну с собачьей головой, самую мудрую Тварь Во Всею Южной Африке.

Тогда Леопард спросил Павиана (а было это очень жарким днём):

– Куда подевалась вся дичь?

И Павиан подмигнул ему: дескать, знаю.

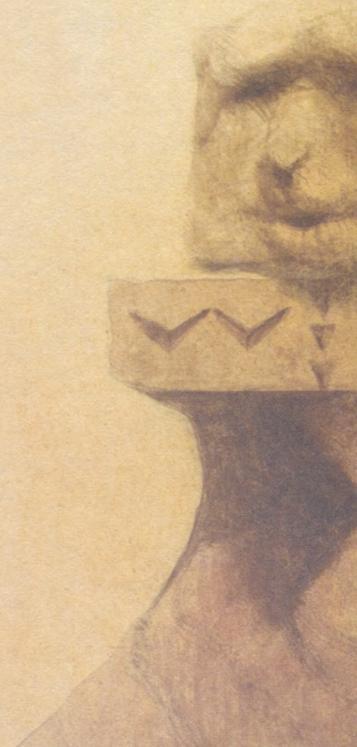
Тогда Эфиоп спросил Павиана:

– Не можешь ли ты указать нам нынешнее местонахождение туземной Фауны? (Это был тот же вопрос, просто Эфиоп любил употреблять учёные слова. Он был уже взрослый.)

И Павиан подмигнул ему: дескать, знаю.

А потом Павиан сказал:

Это мудрый Павиан Бабун с собачьей головой, самый умный зверь Во Всею Южной Африке.

– Дичь ушла в другие места. И мой тебе совет, Леопард: перемени вид, и как можно скорее.

На это Эфиоп ему заметил:

– Всё это прекрасно, но я хотел бы знать, куда переселились представители туземной Фауны?

И Павиан ответил:

– Туземная Фауна присоединилась к туземной Флоре, потому что настало время больших перемен. И мой тебе совет, Эфиоп, тоже перемениться, и как можно скорее.

Сказанное очень удивило Леопарда и Эфиопа, но всё же они отправились на поиски туземной Флоры и по прошествии многих дней увидели огромный, высоченный лес, где было полным-полно деревьев, сверху донизу крапленных и крашенных, ужасно перемазанных, перечерченных, перепятнанных продолговатыми, продольными и прочими тенями. (Повтори-ка быстро и громко, и ты увидишь, какой это был тенистый лес.)

– Что такое? – спросил Леопард. – Здесь так ужасно темно и при этом так много светлых пятен?

– Не знаю, – ответил Эфиоп, – не иначе это и есть туземная Флора. Я чую Жирафа, я слышу Жирафа, но не вижу его.

– Странное дело, – сказал Леопард, – не оттого ли это, что мы из солнечного места перешли в тенистое? Я чую Зебру, я слышу Зебру, но не вижу её.

– Погоди немножко, – сказал Эфиоп. – Мы давно не охотились на них. Может, мы просто забыли, какие они.

– Вздор! – отозвался Леопард. – Я прекрасно их помню по Высокой Степи, а в особенности их мозговые косточки. Жираф – около семнадцати футов высоты и ужасно рыжий с головы до пят. А Зебра ростом фута четыре с половиной и ужасно бурая с головы до пят.

– Гм... – произнёс Эфиоп, глядя в пёстро-крапчатые тени туземной Флоры. – Тогда они должны были бы выделяться на тёмном фоне, как спелые бананы в сушильне.

Но никого не было видно. Леопард с Эфиопом охотились целый день, и, хотя они чуяли и слышали этих зверей, ни одного из них так и не увидели.

– Вот напасть! – сказал Леопард, когда пришло время пить чай. – Подождём, пока стемнеет. Эта дневная охота – просто позорище!

И вот они дождались темноты, и тогда Леопард услышал чьё-то фырканье среди листвы, расписанной полосками звёздных лучей, и он прыгнул туда, откуда доносился шум и где он чуял Зебру, и нащупал её; и, когда он повалил её на землю, она брыкнулась, как Зебра, но он так ничего и не увидел. И тогда он сказал:

– Лежи смирно, бесформенная тварь. Я буду сидеть у тебя на голове до утра, потому что чего-то в тебе я никак не пойму.

Вскоре он услышал ворчание, треск и возню и голос Эфиопа:

– Я поймал что-то, что – не вижу! Оно пахнет Жирафом и брыкается, как Жираф, а само бесформенное.

– Не верь ему, – сказал Леопард. – Сиди у него на голове до утра, как я. Они все здесь бесформенные, все, понимаешь?

Так они сидели на своей добыче, пока не забрезжило утро, и тогда Леопард сказал:

– Что там, на твоём конце стола, брат мой?

Эфиоп почесал в затылке и сказал:

– Кажется, оно ужасно рыжее с головы до пят – похоже, это Жираф. Только оно всё покрыто каштановыми пятнами. А что на *твоём* конце стола, брат мой?

Тогда Леопард почесал в затылке и сказал:

– Кажется, оно ужасно аппетитное, бурое – похоже, это Зебра. Только оно всё покрыто чёрными и фиолетовыми полосками. Что ты с собой сделала, Зебра? Разве ты не знаешь, что там, в Высокой Степи, я различал тебя за десять миль? А теперь ты какая-то бесформенная.

– Да, – ответила Зебра, – но мы ведь не в Высокой Степи. Ты что, ничего не видишь?

– Теперь вижу, – сказал Леопард. – А вчера не видел. С чего б это?

– Давай встанем, – предложил Зебра, – и тогда ты всё поймёшь.

Они отпустили Зебру и Жирафа; и Зебра побежала к маленькому терновому кустику, на котором лежали полоски солнечного света; а Жираф пошёл к высоченному дереву, где тени лежали пятнами.

– Теперь смотрите, – произнесли Зебра и Жираф. – Вот как это делается. Раз-два-три! Поищите-ка теперь свой завтрак!

Леопард глядел во все глаза, и Эфиоп тоже глядел, но они видели только полосатые и пятнистые тени в чаще деревьев, и ни намёка на Зебру или Жирафа. Они пошли прочь и спрятались в тенистом лесу.

– Ей-ей, ловкая штука! – проговорил Эфиоп. – Учись у них, Леопард! Ты выделяешься на тёмном фоне, как кусок мыла в куче угля.

– Ого! – проговорил Леопард. – Хочешь – верь, хочешь – не верь, но ты выделяешься на тёмном фоне, как горчичник на мешке угля.

– Бранью не насытишься! – объявил Эфиоп. – Беда в том, что мы не подходим к местному колориту. Я намерен последовать совету Павиана. Он сказал, что мне надо перемениться, и так как мне нечего менять, кроме кожи, то я хочу поменять её.

– На какую? – удивился Леопард, сильно взволнованный.

– На другую – полезную, коричневато-чёрную, чуть красноватую, с голубоватым оттенком. Тогда будет очень легко прятаться в дуплах и за деревьями.

И вот он стал менять на себе кожу, и Леопард взволновался ещё больше: он никогда прежде не видел, чтобы люди меняли кожу.

– А как же быть со мной? – спросил он, когда Эфиоп кончил натягивать свою отличную новенькую чёрную кожу уже на последний мизинец.

– Ты тоже последуй совету Павиана. Он сказал, что тебе надо переменить вид.

– Я и так его переменял, – ответил Леопард. – Сразу ушёл из тех мест. Явился вместе с тобой сюда, а много ли мне это помогло?

– Нет, – сказал Эфиоп, – Павиан говорил не про то. Он подразумевал не виды Южной Африки, а твой собственный вид.

– Ну и что от этого пользы? – спросил Леопард.

– Вспомни о Жирафе, – сказал Эфиоп, – или, если тебе больше по вкусу полоски, – о Зебре. Они обзавелись пятнами и полосками и живут себе припеваючи.

– Гм, – пробурчал Леопард. – Я не хочу походить на Зебру – ни за что!

– Решай побыстрей, – настаивал Эфиоп, – я не люблю охотиться без тебя, но мне придётся, если ты предпочитаешь походить на подсолнух у чёрной ограды.

– Тогда я выбираю пятна, – сказал Леопард, – только не делай их безобразно большими. Я не хочу походить на Жирафа – ни за что!

– Я буду наносить их кончиками пальцев, – сказал Эфиоп. – У меня на коже ещё много лишней краски. Ну, давай!

После этого Эфиоп сложил вместе пять пальцев (на его новенькой коже и впрямь оставалось ещё много лишней краски) и прошёлся ими по всему Леопарду, и повсюду, куда он прикасался пальцами, появлялись пять чёрных пятнышек, одно возле другого. Ты можешь видеть их на любой леопардовой шкуре, мой милый. Кое-где пальцы Эфиопа соскальзывали, и пятна получались немножко расплывчатыми. Но стоит тебе присмотреться к любому Леопарду, и ты сразу заметишь, что пятнышки у него идут всегда пятёрками – в точности как следы пяти толстых пальцев.

– Вот теперь ты красавец! – объявил Эфиоп. – Можешь улечься на голую землю, и тебя не отличишь от кучи камней. Можешь лечь на голую скалу, и тебя примут за грудку песчаника. Заберёшься куда-нибудь на дерево, и тебя легко примут за солнечный луч, скользящий по листве; можешь разлечься поперёк тропинки, и тогда тебя никто даже и не заметит. От одной этой мысли тебе надо бы замурлыкать!

– Но если это так хорошо, – сказал Леопард, – почему же и ты не стал пятнистым?

– Негру приличествует быть чёрным, – сказал Эфиоп. – А теперь пошли поглядим, может, мы и управимся без хлопот: «Раз, два, три – стой, мой Завтрак, не беги!»

И они углубились в чашу леса и с той поры зажили счастливо, мой милый. Вот и всё.

А если тебе случится услышать от взрослых: «Разве могут Эфиоп и Леопард измениться до неузнаваемости?» – знай: даже взрослые не говорили бы такой чепухи, кабы Эфиоп с Леопардом уже не проделали это раньше. Больше они этого делать не станут, мой милый. Им и так хорошо.

Я очень мудрый Павлиан, и вот вам мой совет:
Бегите в лес скорей густой, где вам подобных нет.
С гостями мама занята, ей нынче не до нас,
А няня знает лишь своё: ушли б скорее с глаз.
Ещё пойдём на скотный двор и к кроликам потом;
Они гоняются гурьбой за собственным хвостом.
Бежим же, папочка, скорей, бежим с тобой вдвоём,
Мы славно поиграем там и к чаю в дом придём.
Вот шапка, палка, сапоги (я их уже сыскал),
Табак и трубка... Ну, живей! Живей! Я поскакал!..

На этой картинке ты видишь Леопарда и Эфиопа после того, как они исполнили совет мудрого Павлиана и на шкуре Леопарда появились пятна, а Эфиоп переменял кожу.

СЛОНОНОК

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, в давние-предавние времена, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны и всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слононок, который был страшно любопытен, и, кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

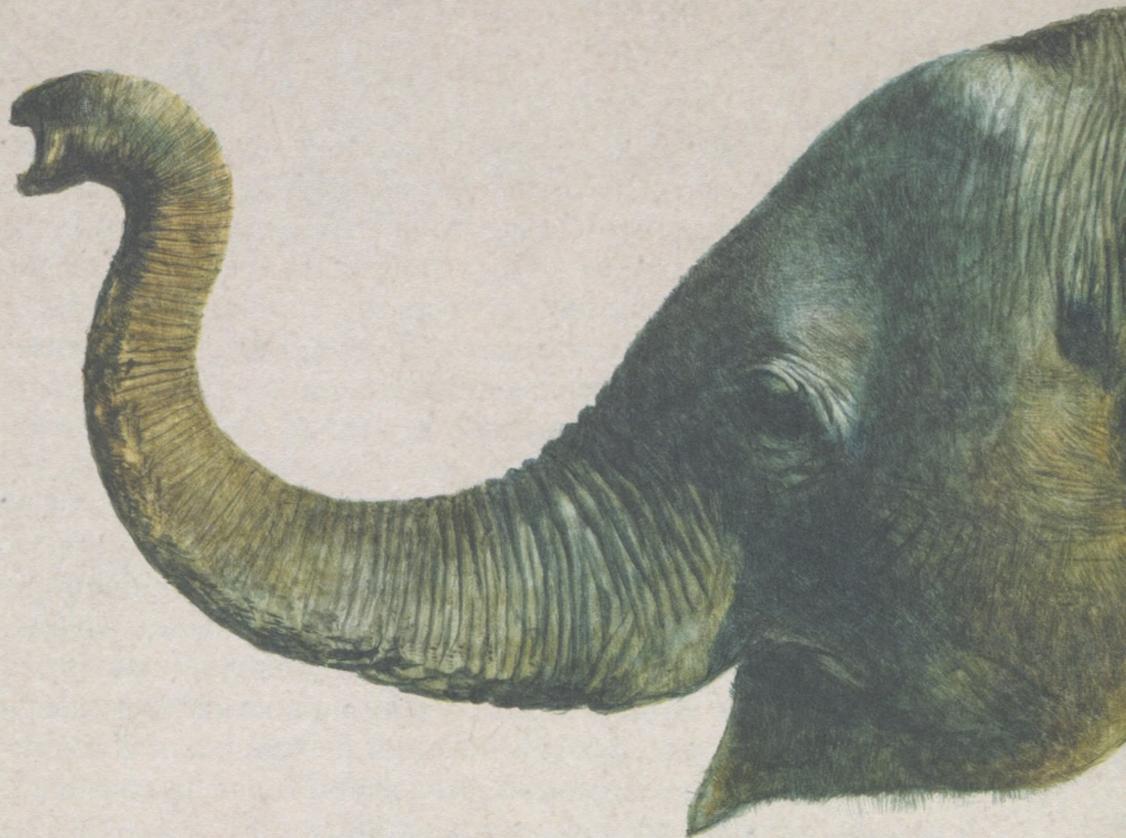
И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся – он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумак от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равенствия, этот самый Слонёнок – надоеда и приставала – спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

– Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

– Тс-с-с!

И тотчас же, без лишних слов, стали сыпать на него тумачи.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

– Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

– Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов – целых сто фунтов! – и сахарного тростнику – тоже сто фунтов! – и семнадцать зеленоватых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

– Прощайте! – сказал он им. – Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберли, из Кимберли в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, был Двуцветный Питон, Скалистый Змей, обвивавшийся вокруг какой-то скалы.

– Извините, пожалуйста! – сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

– Не встречался ли *мне* Крокодил? – презрительно переспросил Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Нашел о чём спрашивать!

– Извините, пожалуйста! – продолжал Слонёнок. – Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двуцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

– Вот чудеса! – сказал Слонёнок. – Мало того что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тётка

колотила меня, и другой мой дядя, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, – здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попросился с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю – потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? – и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом – вот так!

– Извините, пожалуйста! – обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

– Подойди-ка сюда, моя крошка! – сказал Крокодил. – Тебе, собственно, зачем это надобно?

– Извините, пожалуйста! – сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. – Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, и моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь – не во гнев будь вам сказано – я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

– Подойди сюда, моя крошка, – сказал Крокодил, – потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

– Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

– Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

– Мне кажется, – сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы – вот так, – мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

– Пусдите бедя, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

– Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенив её, как взбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом,

и тоже тянул и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но! И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

– Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

– О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой, – так величал он Крокодила, – хочет загубить твоё будущее...

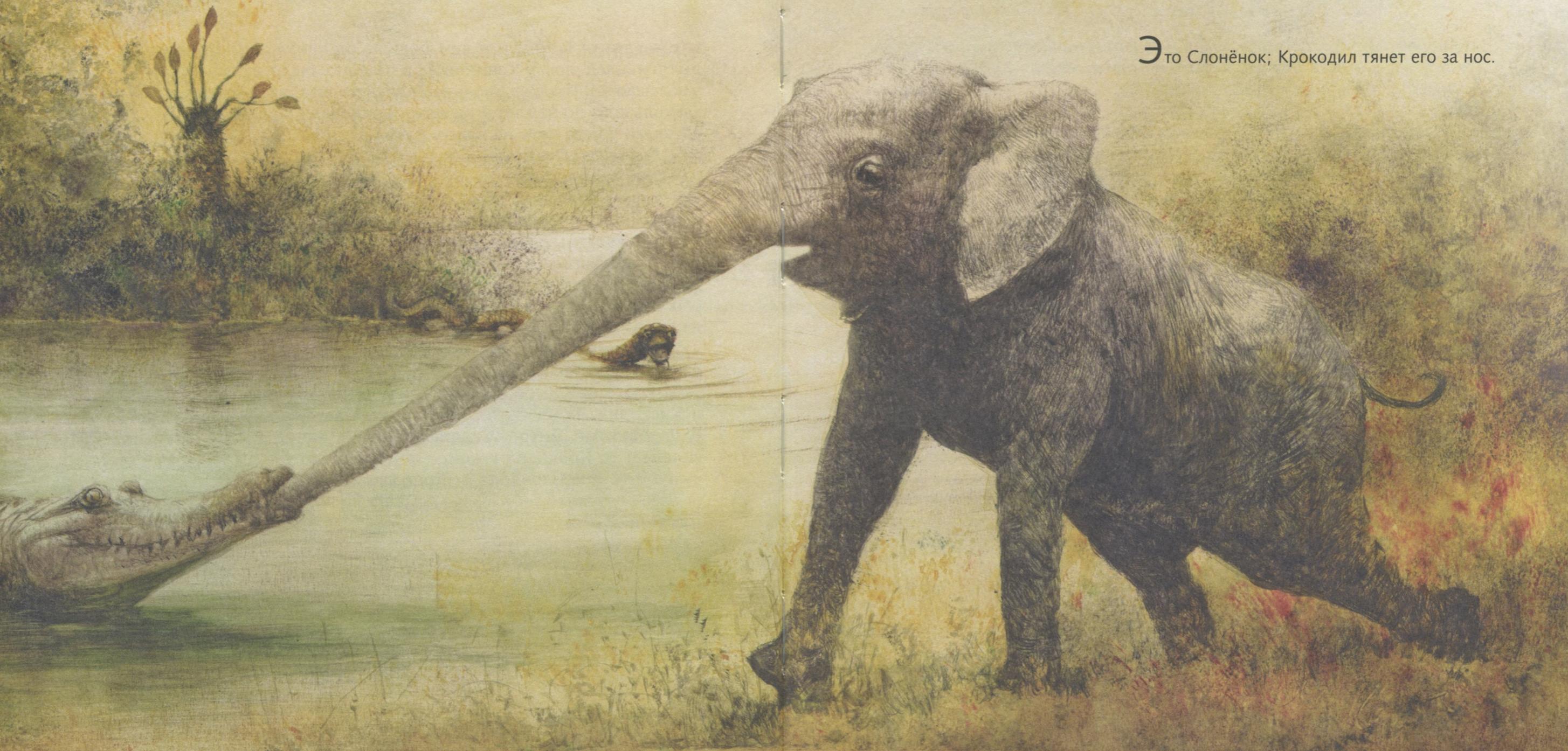
Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слонёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его

Это Слонёнок; Крокодил тянет его за нос.

холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

– К чему ты это делаешь? – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

– Извините, пожалуйста! – сказал Слонёнок. – Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

– Долго же тебе придётся ждать, – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

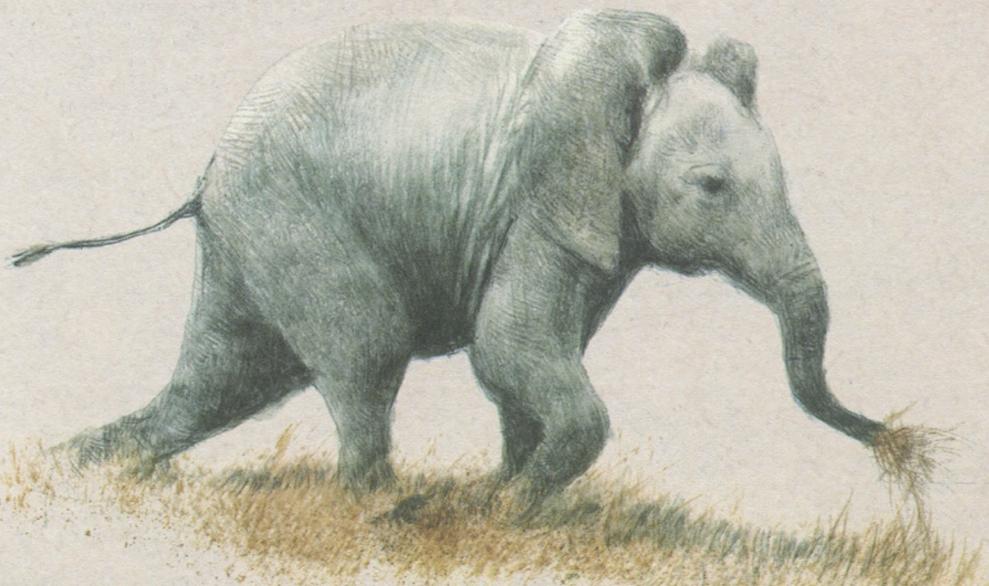
Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и – мало того – из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашний хобот – точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

– Вот тебе и первая выгода! – сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. – Ну рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

– Вот тебе и вторая выгода! – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

– Пожалуй что и так! – сказал Слононок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слононку потекли целые потоки воды.

– Вот тебе третья выгода! – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

– Извините, пожалуйста, – сказал Слононок, – но я, право, не люблю тумачков.

– А вздуть кого-нибудь другого? – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

– Это я с радостью! – сказал Слононок.

– Ты ещё не знаешь своего носа! – сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. – Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

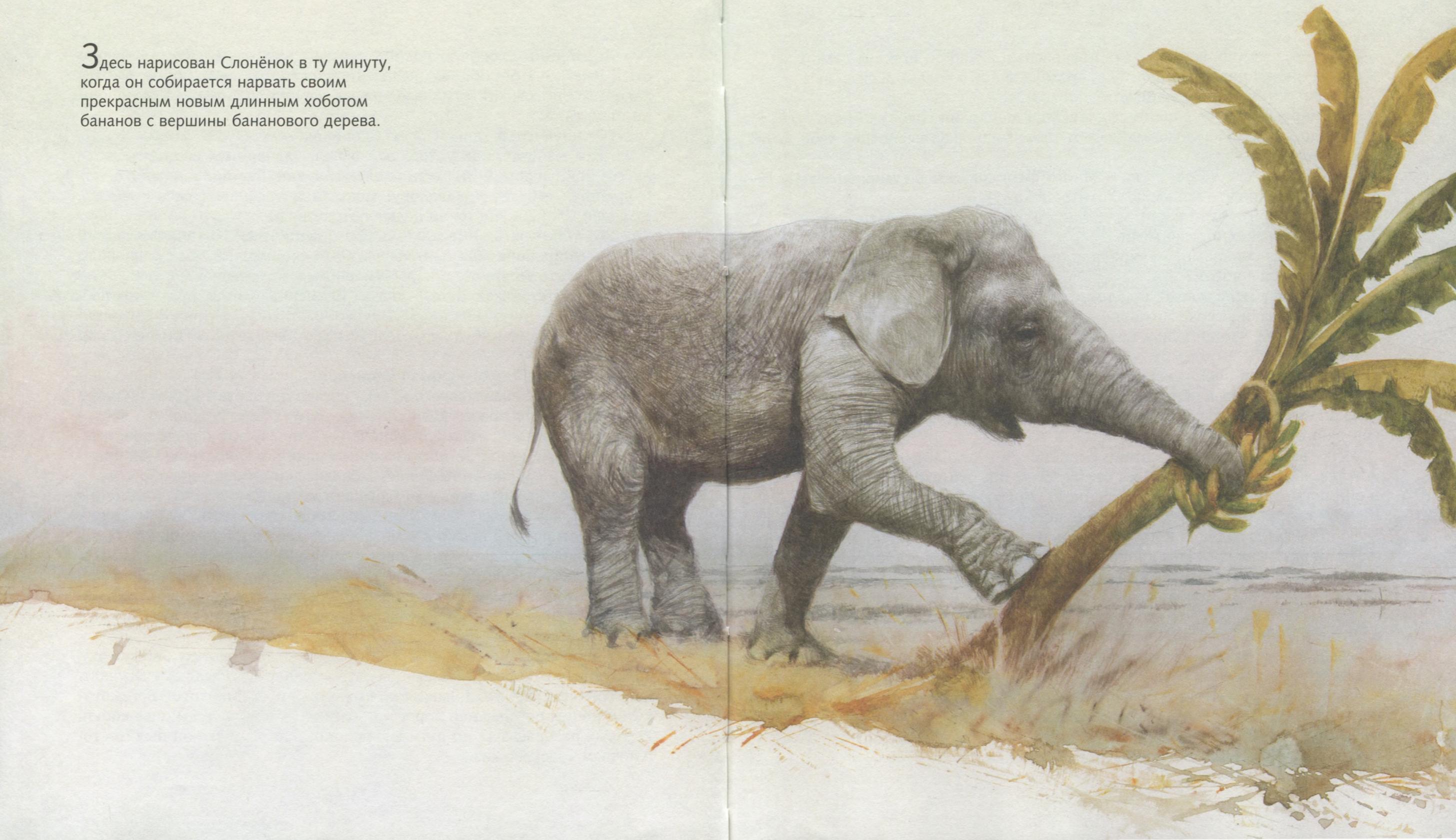
– Благодарю вас, – сказал Слононок, – я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я приду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слононок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов – он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки – он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему – он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце – он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке – он играет хоботом песни, и хобот у него куда звонче сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху, хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, – потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Здесь нарисован Слонёнок в ту минуту, когда он собирается нарвать своим прекрасным новым длинным хоботом бананов с вершины бананового дерева.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

– Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

– Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твоё любопытство!

– Эх вы! – сказал Слононок. – Много смыслите вы в тумачках! Вот я в этом деле кое-что понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

– Клянёмся бананами! – закричали они. – Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

– Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, – сказал Слононок. – Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

– Безобразный нос! – сказал волосатый, мохнатый дядя Павиан.

– Пожалуй, – сказал Слононок. – Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот сердитый Слононок, что отколотил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлением. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым кустам; он разбудил громким криком толстую Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что его родичи – кто раньше, кто позже – отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумачков никому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, – у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слононка.

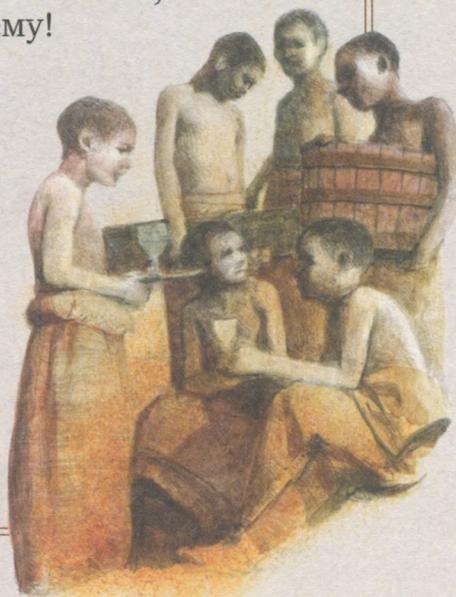
Есть у меня шестёрка слуг,
Проворных, удалых,
И всё, что вижу я вокруг, –
Всё знаю я от них.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг –
И всем покоя нет!

Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

СКАЗАНИЕ О СТАРОМ КЕНГУРУ

Не всегда Кенгуру был таким, как сейчас, а был он совсем Другим – Маленьким и о четырёх ногах. Он был серый и мохнатый и страшно заносчивый. Он плясал на каменистых пригорках в самой середине Австралии и однажды предстал перед Младшим Богом по имени Нка.

Явился он к Нка в шесть перед завтраком и говорит:

– Сделай меня непохожим на всех остальных животных, да не позже чем к пяти часам дня.

Вскочил Нка со своего песочного трона и закричал:

– Ступай прочь!

А Кенгуру был серый и мохнатый и страшно заносчивый: он поплясал на скалистом уступе в самой середине Австралии и отправился к Среднему Богу Нкингу.

Явился он к Нкингу в восемь после завтрака и говорит:

– Сделай меня непохожим на всех остальных животных, и чтоб меня знали повсюду, да не позже чем к пяти часам дня.

Выскочил Нкинг из своей норы в чащобе и закричал:

– Ступай прочь!

А Кенгуру был серый и мохнатый и страшно заносчивый: он поплясал на песчаной отмели в самой середине Австралии и отправился к Старшему Богу Нконгу.

Явился он к Нконгу в десять ещё до обеда и говорит:

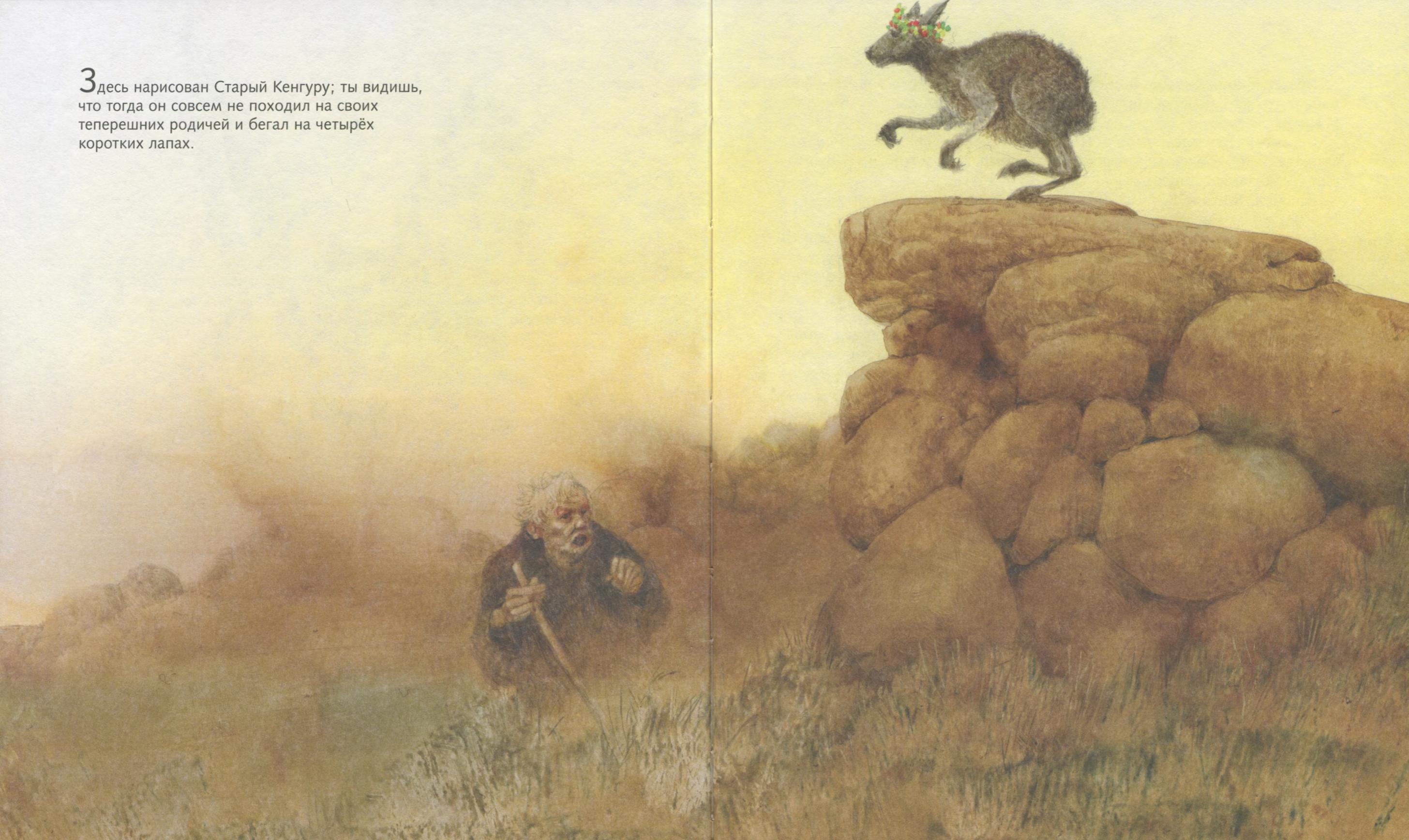
– Сделай меня непохожим на всех остальных животных, и чтоб меня знали повсюду и всё время за мною гонялись, да не позже чем к пяти часам дня.

Выскочил Нконг из своей ванны в соляном озерце и закричал:

– Будь по-твоему!

Здесь нарисован Старый Кенгуру; ты видишь, что тогда он совсем не походил на своих теперешних родичей и бегал на четырёх коротких лапах.

Позвал Нконг Динго – Жёлтого Пса Динго, вечно голодного и очень пыльного, что было заметно на солнце, и указал ему на Кенгуру. И Нконг сказал:

– Динго! Проснись, Динго! Ты видишь этого плясуна у обрыва? Он хочет, чтоб его знали повсюду и всё время за ним гонялись. Выполняй его желание, Динго!

Вскочил Динго – Жёлтый Пёс Динго – и спросил:

– Вот этого – не то кошку, не то кролика?

И рванулся Динго – Жёлтый Пёс Динго, вечно голодный, с зияющей чёрной пастью наподобие ведёрка для угля, – и кинулся на Кенгуру.

А заносчивый Кенгуру полетел на всех своих четырёх лапах, словно какой-нибудь крольчишка.

На том, мой милый, и кончается первая часть истории!

Кенгуру бежал по пустыне; он бежал через горы; бежал через высохшие соляные озёра; бежал через камыши; бежал через заросли синих эвкалиптов; бежал через колючие кустарники; бежал, пока у него не разболелись передние лапы.

Что поделаешь – пришлось!

Бежал и бежал Динго – Жёлтый Пёс Динго, вечно голодный, с зияющей острозубой пастью наподобие мышеловки; он не приближался и не отставал, а всё нёсся за Кенгуру.

Что поделаешь – пришлось!

Бежал и бежал Кенгуру – Старый Кенгуру. Он бежал через заросли деревьев; бежал через заросли кустов; бежал по высокой траве; бежал по низкой траве; бежал через тропики Рака и Козерога; бежал, пока у него не разболелись задние лапы.

Что поделаешь – пришлось!

Бежал и бежал Динго – Жёлтый Пёс Динго, ещё более голодный, чем всегда, с зияющей пастью наподобие лошадиного хомута; он не приближался и не отставал, и так они добежали до реки Воллгонг.

А там не было ни моста, ни парома, и Кенгуру не знал, как ему перебраться на другую сторону; и он стал на задние лапы и перепрыгнул.

Что поделаешь – пришлось!

Он скакал по земле, он скакал по золе, он скакал через пустыни в самой середине Австралии. Он скакал, как настоящий Кенгуру.

Сперва он скакнул на ярд; потом скакнул на три ярда; потом скакнул на пять ярдов; а лапы всё крепили, а лапы всё удлинялись. У него не было времени отдохнуть и подкрепиться, хоть он в этом очень нуждался.

Бежал и бежал Динго – Жёлтый Пёс Динго, ужасно голодный и совсем сбитый с толку, – и всё больше дивился: чего это Старому Кенгуру вздумалось так скакать?

А скакал он, как кузнечик, как горошинка в кастрюле или новый резиновый мяч по полу детской.

Что поделаешь – пришлось!

Он поджал передние лапы, он скакал на задних; для равновесия он опирался на хвост и так перемахнул через Холмы Дарлинга.

Что поделаешь – пришлось!

Бежал и бежал Динго – Усталый Пёс Динго, до смерти проголодавшийся и совсем сбитый с толку, – и всё больше удивлялся: когда же наконец Старый Кенгуру вздумает остановиться?

Здесь нарисован Старый Кенгуру в пять часов
пополудни, то есть в то время, когда у него,
по обещанию Старшего Бога Нконга, уже
сделались длинные задние лапы.

Тут вылез Нконг из своей ванны в соляном озерце и сказал:

– Уже пять часов.

Опустился на землю Динго – Бедный Пёс Динго, вечно голодный и очень пыльный, что было заметно на солнце, – высунул язык и завыл.

Опустился на землю Кенгуру – Старый Кенгуру, – уселся на свой хвост, как на табурет, и сказал:

– Слава богу, кончилось!

И тогда Нконг, который был очень воспитанный, произнёс:

– Разве ты не испытываешь признательности к Жёлтому Псу Динго? Почему ты не благодаришь его за всё, что он для тебя сделал?

И тогда сказал Кенгуру – Старый Усталый Кенгуру:

– Он прогнал меня из родных мест; он не дал мне вовремя поесть; он так изменил мою внешность, что прежним мне уже не бывать; он вконец исковеркал мои лапы.

И тогда сказал Нконг:

– Если не ошибаюсь, ты просил меня сделать тебя непохожим на всех остальных животных, а ещё чтоб за тобою всё время гонялись. И сейчас пять часов.

– Да, – сказал Кенгуру. – Лучше б я этого не просил! Я думал, ты сотворишь это волшебством или заклинаньями, а так – это чистое издевательство.

– Издевательство, говоришь?! – выкрикнул Нконг из своей ванны в зарослях синих эвкалиптов. – Повтори только, и свистну Пса Динго – тогда ты останешься и без задних лап!

– Не надо! – сказал Кенгуру. – Придётся мне извиниться. Что ж, лапы как лапы, по мне, можно жить и с такими. Я просто хотел напомнить вашей милости, что я с самого утра ничего не ел и голоден как собака.

– Вот-вот, – сказал Динго – Жёлтый Пёс Динго. – Это как раз про меня. Я сделал его непохожим на всех остальных животных, а что мне дадут к чаю?

И тогда Нконг произнёс из своей ванны в соляном озерце:

– Приходите завтра – завтра потолкуем! А сейчас мне надо помыться.

Так они и остались в самой середине Австралии, Старый Кенгуру и Жёлтый Пёс Динго, и каждый говорил другому:

– Это всё ты!

Так вот вам песенка о том,
Как мчался Кенгуру;
Он кончил скачку поздним днём,
А начал поутру.

Бог Нконг сказал ему: «Иди!» –
И он пустился в путь;
Скакал по горам, по долам –
Что делать – ну хоть плачь! –
А Жёлтый Динго позади
(Ему не отдохнуть!)
По щёбню, травам и пескам
За ним несётся вскачь!

Никто дорог их не постиг:
Вперёд неслись – назад,
Неведом был их материк,
Названья не имел.
Так где, скажи, они бегут?
Пусть твой пытливый взгляд
Найдёт на карте их маршрут,
Восполнит сей пробел.

А если б ты, как и они,
Туда решил бежать,
Где океан шумит большой
И на холмах песок,
Ты б сам от этой беготни
Свалился на кровать
И, совершив пробег такой,
Лежал без задних ног.

Откуда взялись Броненосцы

Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далёких и Старинных Временах. Жил тогда Злючка-Колючка Ёж. Жил он на мутной реке Амазонке, ел улиток и разные разности. И была у него подруга, Черепаха Неспешная, которая тоже жила на мутной реке Амазонке, ела разные разности и зелёный салат. Всё шло хорошо, не правда ли, милый мальчик?

Но в ту же самую пору, в Далёкое и Старинное Время, жил на мутной реке Амазонке Расписной Ягуар. Он ел всё, что ему удастся поймать. Не удастся поймать оленя – он съест обезьяну; не удастся поймать обезьяну – съест лягушку или таракашку. А уж если нет ни лягушек, ни таракашек – он идёт к своей мамаше Ягуарихе, чтобы та объяснила ему, как нужно ловить черепах и ежей.

Изящно помахивая грациозным хвостом, мамаша часто наставляла его: – Если, сынок, ты найдёшь Ежа, скорее швырни его в воду. Ёж сам собою развернётся в воде. А если найдёшь Черепаху, выцарапай её лапой из панциря.

И всё шло хорошо, мой милый мальчик.

Была прекрасная ночь на мутной реке Амазонке. Расписной Ягуар увидел, что под стволом свалившегося дерева сидят рядышком Злючка-Колючка Ёж и Черепаха Неспешная. Спасти бегством они не могли, и вот Злючка-Колючка Ёж свернулся шаром, потому что иначе он не был бы Ёж, а Черепаха Неспешная втянула ноги и голову под свой панцирь, потому что она была Черепаха.

Всё шло как следует, милый мой мальчик, не правда ли?

– Слушайте меня внимательно! – сказал Расписной Ягуар. – То, что я хочу вам сказать, имеет для вас большое значение. Моя маменька учила меня, что, если я увижу Ежа, я должен швырнуть его в воду, и тогда

он сам собою развернётся, а если я увижу Черепаху, я должен выцарапать её лапой из панциря. Но кто же из вас Черепаха, а кто из вас Ёж, – клянусь моими пятнами, не знаю!

– Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? – спросил Злючка-Колючка Ёж. – Уж не напутал ли ты? Может быть, маменька говорила тебе, что, когда ты развернёшь Черепаху, ты должен выцарапать её из воды, а когда ты поймаешь Ежа, ты должен бросить его прямо на панцирь?

– Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? – спросила Черепаха Неспешная. – Уж не напутал ли ты? Может быть, она говорила тебе, что, когда ты смочишь водою Ежа, ты должен расцарапать его лапой, а когда встретишь Черепаху, ты должен снять с неё панцирь, чтобы она развернулась?

– Едва ли это так! – сказал Расписной Ягуар, но всё же опешил немного. – Будьте добры, повторите ещё раз, что вы сказали сейчас. И, если можно, яснее.

– Когда ты поцарапаешь воду когтями, налей её и разверни Ежом, – сказал Злючка-Колючка Ёж. – Запомни это хорошенько, потому что это очень важно.

– Но, – сказала Черепаха Неспешная, – когда ты выцарапаешь воду из Ежа, ты должен полить этой водой Черепаху. Неужели ты и этого не знаешь?

– У меня от вашей путаницы даже пятна на спине заболели! – сказал Расписной Ягуар. – Я не спрашиваю ваших советов, я только спрашиваю, кто из вас Ёж и кто Черепаха.

– Не скажу, – ответил Ёж. – Но если хочешь, – изволь – попробуй-ка выцарапать меня из моего панциря.

– Ага! – сказал Расписной Ягуар. – Теперь я вижу, что ты Черепаха. Ты думала, что я не догадаюсь. А я догадался.

И хлопнул Ягуар лапой со всего размаха по Ежу как раз в ту минуту, когда Ёж свернулся клубком. И конечно, в лапу Ягуара вонзились острые колючки Ежа. Это было бы, пожалуй, ещё ничего, но, к несчастью, Ягуар ударом лапы отбросил Ежа далеко-далеко в лес и не мог найти его в кустах, так как было очень темно. Тогда он сунул лапу себе в рот, но от этого иглы стали колоть ещё больше. От боли он долго не мог говорить, а когда заговорил, сказал:

– Теперь я вижу, то была совсем не Черепаха. Но как мне узнать, Черепаха ли это?

И он почесал затылок той лапой, которая не пострадала от колючек Ежа.

– Я и *есть* Черепаха, – призналась Неспешная. – Твоя матушка учила тебя правильно. Она сказала, что ты должен выцарапать меня лапой из панциря. Это верно. Ну, принимайся за дело!

– Только что ты говорила, что она говорила одно, а теперь ты говоришь, что она говорила другое! – сказал Ягуар, высасывая колючки из лапы.

– Ты говоришь, что я говорю, что она говорила другое, – сказала Черепаха. – Что ж из этого? Ведь если, как ты говоришь, я говорила, что она говорила то, что я говорила, это и выходит, что я говорила то, что говорила она. А если ты думаешь, что она говорила, будто ты должен развернуть меня лапой, а не бросать вместе с моим панцирем в воду, я здесь ни при чём, не правда ли?

– Но ведь только что ты сама говорила, что я должен выцарапать тебя лапой из твоей скорлупы, – сказал Расписной Ягуар.

– Подумай хорошенько, и ты поймёшь, что я этого никогда не говорила. Я только говорила, что твоя мама говорила, что ты должен содрать с меня когтями мой панцирь, – сказала Неспешная.

– А что будет, если я сдеру с тебя панцирь? – осторожно спросил Ягуар и потянул носом воздух.

– Не знаю, потому что до сих пор никто ещё не сдирал с меня панциря, но говорю тебе правду: если ты хочешь посмотреть, как я уплыву от тебя, – брось меня, пожалуйста, в воду.

– Я тебе не верю! – сказал Расписной Ягуар. – Мама моя говорила одно, а ты говорила, что она говорила другое, и теперь всё у меня так перепуталось, что я не знаю, где у меня хвост, где голова. А теперь ты сказала простые слова, которые я понимаю, и это путает меня больше всего. Мама учила меня, чтобы я бросил одного из вас в воду, и, так как ты говоришь, что тебе хочется в воду, ясно, что тебе не хочется в воду. Так прыгай же в мутную воду реки Амазонки. Живо!

– Хорошо, я прыгну, но знай: мама твоя будет очень недовольна. Пожалуйста, не говори ей, что я не говорила тебе, что она говорила...

– Если ты скажешь ещё хоть одно слово о том, что говорила моя мама!.. – вскричал Ягуар, но не успел договорить, потому что Черепаха как ни в чём не бывало нырнула в мутную воду реки Амазонки.

Долго она плыла под водою и выплыла на берег, где её ждал Злючка-Колючка Ёж.

– Мы чуть не погибли, – сказал Ёж. – Не нравится мне этот Расписной Ягуар. Что ты сказала ему о себе?

– Я сказала ему правду. Я честно сказала ему, что я Черепаха, но он не поверил, заставил меня прыгнуть в воду и очень удивился, увидев, что я и в самом деле Черепаха. Теперь он пошёл жаловаться маме. Ты слышишь?

Было слышно, как среди кустов и деревьев над мутной рекой Амазонкой ревет Ягуар и зовёт к себе мать Ягуариху. И она пришла.

– Ах, сыночек, сыночек! – заговорила она, изящно помахивая грациозным хвостом. – Ты, кажется, делал такое, чего тебе не следовало делать.

– Я встретил над рекою одну зверюшку и хотел выцарапать её из-под панциря; она сама сказала, что ей хочется этого, и вот теперь у меня вся лапа в занозах!

– Ах, сыночек, сыночек! – сказала мать, изящно помахивая грациозным хвостом. – По этим занозам, которые впились в твою лапу, я вижу, что то был Ёж. Тебе следовало кинуть его в воду.

– В воду я кинул другого зверька. Он сказал, что его зовут Черепаха, но я не поверил ему. Оказывается, то и вправду была Черепаха. Она нырнула в воду, в мутную реку Амазонку, и больше я не видел её.

И вот я остался голодный и думаю, что нам нужно переселиться отсюда в другие места. Здесь, на мутной реке Амазонке, все звери такие умные. Мне, бедному, не справиться с ними.

– Ах, сыночек, сыночек! – сказала его мать, изящно помахивая грациозным хвостом. – Слушай внимательно и запомни, что я скажу. Ёж свёртывается в клубок, и его колючки торчат во все стороны. По этой примете ты всегда узнаешь Ежа.

– Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! – сказал Злючка-Колючка Ёж. – Что ещё она скажет ему?

– А Черепаха не может сворачиваться, – продолжала Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. – Черепаха втягивает голову и ноги под панцирь. По этой примете ты всегда узнаешь Черепаху.

– Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! – сказала Черепаха Неспешная. – Даже Расписной Ягуар и тот не забудет такого простого урока. Ах, Злючка-Колючка, как жаль, что ты не умеешь плавать!

– Полно тужить обо мне, – отозвался Злючка-Колючка. – Тебе тоже кое-чего не хватает. Подумай: как было бы чудесно, если бы ты умела сворачиваться в клубок! Ах, в какую беду мы попали! Прислушайся, что говорит Ягуар!

А Расписной Ягуар сидел над мутной рекой Амазонкой, высасывал из лапы колючки и бормотал про себя:

– Кто свернётся клубком,
Тот зовётся Ежом.
Кто в воде поплывёт,
Черепахой слывёт.

– Этого он никогда не забудет, даже после дождика в четверг, – сказал Ёж. – Поддержи меня за подбородок, Неспешная, – я хочу научиться плавать. Это может пригодиться потом.

– С удовольствием! – сказала Черепаха.

И она поддержала Колючку за подбородок, покуда Колючка барахтался в мутной реке Амазонке.

– Из тебя выйдет отличный пловец! – сказала она Ежу. – А теперь, будь так добр, распусти у меня на спине те шнурки, которыми стянут мой панцирь, – я попробую свернуться в клубок.

Злючка-Колючка Ёж распустил на спине у Черепахи шнурки, и Черепаха стала так ёжиться и корчиться, что ей наконец удалось чуть-чуть согнуться – не совсем, а чуть-чуть.

– Очень хорошо, – сказал Ёж. – Но довольно, больше не надо. У тебя даже лицо посинело. А теперь, пожалуйста, поддержи меня в воде ещё разок! Я попробую плавать боком. Ты говорила, что это очень легко.

И Ёж опять пустился вплавь. Это был его второй урок. Черепаха плыла рядом с ним.

– Очень хорошо! – сказала она. – Ещё немного, и ты будешь плавать не хуже Кита. А теперь, будь так добр, распусти-ка шнурки в моём панцире ещё на две дырочки, я попробую наклониться вперёд. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

– Очень хорошо! – воскликнул Ёж, весь мокрый после купания в мутной реке Амазонке. – Ты сворачиваешься хорошо – ну совсем как мои братья и сёстры. Две дырочки, ты говоришь? Ладно, только не нужно так громко пыхтеть, а то услышит Расписной Ягуар. Смелее! Когда ты кончишь, я попробую нырнуть и подольше продержаться под водою. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Но как сдвинулись щитки у тебя на панцире! Прежде они были рядом, а теперь один на другом.

– Это оттого, что я сворачиваюсь, – сказала Черепаха. – Да и с тобою произошла перемена. Прежде ты был похож на каштановый орех, а теперь сделался как еловая шишка. Все колючки склеились и стали чешуйками.

– Неужели? – воскликнул Ёж. – Это оттого, что я вымок в воде. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

Так до самого утра они помогали друг другу, а когда солнце поднялось высоко над землёй, они сели отдохнуть и обсушиться. И, глядя друг на друга, заметили, что стали совсем на себя не похожи.

Потом они позавтракали, и Черепаха сказала:

– Милый Ёж, я уже не такая, какая была вчера. Но я думаю, что теперь мне удастся позабавить Ягуара как следует.

– Я как раз хотел сказать то же самое, слово в слово! – воскликнул Ёж. – По-моему, чешуя лучше всяких колючек, к тому же я теперь умею плавать. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Пойдём и найдём его.

Вскоре они нашли Ягуара. Он всё ещё возился со своей раненой лапой. Когда они предстали перед ним, он так удивился, что стал пятиться назад и три раза перекувырнулся через свой собственный хвост.

– Доброе утро! – сказал Злючка-Колючка Ёж. – Как бесценное здоровье вашей маменьки?

– Благодарю вас, она в добром здравии, – ответил Ягуар. – Но не взыщите, пожалуйста, я плохо помню ваши имена.

– Ах, какой вы нелюбезный! – сказал Ёж. – Ведь только вчера вы пытались выцарапать меня из панциря...

– Но вчера у тебя не было панциря – вчера ты был весь в иголках. Кому же это знать, как не мне? Посмотри-ка на мою лапу!

– Только вчера, – сказала Черепаха, – вы велели мне броситься в воду, чтобы я утонула в мутной реке Амазонке, а сегодня и знать меня не хотите. Вот какой вы грубый и забывчивый!

– Неужели вы забыли, что сказала вам ваша мамаша? – спросил Злючка-Колючка Ёж. – Ведь она ясно сказала вам:

Кто свернётся клубком,
Черепахой сльвёт.
Кто в воде поплывёт,
Тот зовётся Ежом.

Тут они оба свернулись клубками и как пошли кататься вокруг Ягуара – катались, катались, катались... У того даже глаза закружились, словно колёса в повозке.

Он убежал и позвал свою мать.

– Мама, – сказал он, – там в лесу какие-то невиданные новые звери! Про одного ты сказала, что он не умеет плавать, а он плавает. Про другого ты сказала, что он не умеет сворачиваться, а он сворачивается. И кажется, они поделились одеждой. Прежде один был гладенький, а другой колючий, а теперь оба они в чешуе. Кроме того, они так кружатся, кружатся, кружатся, что у меня голова закружилась.

– Ах, сыночек, сыночек! – сказала мать Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. – Ёж – это Ёж, и чем же ему быть, как не Ежом? Черепаха – это Черепаха и останется всегда Черепахой!

Здесь изображена вся история Ягуара,
Ёжика, Черепахи и Броненосцев, всё сразу.

– Но это совсем не Ёж! И совсем не Черепаха! Это немножко Ёж и немножко Черепаха, а как оно зовётся, я не знаю.

– Пустяки! – сказала мать Ягуариха. – У всякого должно быть своё имя. Я буду звать этого зверя Броненосец, покуда для него не найдётся настоящего имени. И на твоём месте я оставила бы его в покое.

Ягуар поступил, как ему было сказано; особенно свято выполнил он наставление маменьки – оставить этого зверя в покое. Но удивительнее всего то, милый мальчик, что на мутной реке Амазонке с того самого дня до сих пор Злючку-Колючку Ежа и Черепаху Неспешную все так и называют Броненосцем. Конечно, в других местах есть по-прежнему и Ежи и Черепахи (есть они и у меня в саду), но лучшие, умнейшие из них – старинные Ежи и Черепахи, покрытые щитками, как еловые шишки, те самые, что в Далёкие Дни жили на берегах мутной реки Амазонки, – те всегда зовутся Броненосцами, потому что они такие разумные.

Чего же тебе ещё, милый мальчик? Всё устроилось отлично, не правда ли?

На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина»,
Быстроходные суда, –
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.
Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далёким берегам!
Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

КАК БЫЛО НАПИСАНО ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Давным-давно, ещё в каменном веке, жил да был один человек. Был он человек первобытный, жил в пещере и носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел, да и не хотелось ему ни читать, ни писать, и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек-ноги-которого-никогда-не-спешат, но мы, милый мальчик, будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Женщина-которая-задаёт-слишком-много-вопросов, но мы, милый мальчик, будем называть её просто Тешумай, чтобы было короче. И была у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья, но я буду называть её просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы.

Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и бывало, они оба до той поры не вернутся в пещеру, покуда им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

– Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь, милый мальчик, слушай меня, и слушай внимательно!

Как-то раз Тегумай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду сазанов, Таффи пошла вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконечником из акульих зубов. И только он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой – далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копья у Тегумая не было. Запасное копьё он за-
был захватить.

– Рыба так и кишит, – сказал он, – а на починку копыя у меня уйдёт целый день.

– У тебя же есть другое копыё! – сказала Таффи. – Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегаяю в пещеру и попрошу его у мамы?

– Куда тебе бежать в такую даль! – сказал Тегумай. – Это не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасна: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены оленьи жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, кусочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копыё. Таффи тоже уселась недалеко от него, спустила ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала-думала изо всех сил. Потом она сказала отцу:

– По-моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтобы нам прислали другое копыё!

– Таффи, – сказал Тегумай, – сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» – это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочь. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копыё.

– Поди сюда, – сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу. – Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», – потому что он был, как ты знаешь, теварец.

– Глупый! – сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда отец не может запустить в них копыём.

– Не приставай к старшим, – сказал Тегумай, не оглядываясь; он был так занят починкой копыя, что даже не взглянул на Незнакомца.

– Я не пристаю, – ответила Таффи. – Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

– Тогда не надоедай мне, – сказал Тегумай и, забрав в рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы.

А Незнакомец (он был самый настоящий *теварец*) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец.

Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания».

Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

– Так вот, – сказала Таффи, – я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому что у тебя ноги длиннее моих и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копье. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был *теварец*) подумал: «Это очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот величавый вождь, Человек-который-поворачивается-спиной-к-своим-гостям, разозлится». Он встал, содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как берёста, и что он никому не желает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

– О, – сказала она, – понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

Незнакомец (а он был *теварец*) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акулиных зубов.

Незнакомец (а он был *теварец*) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акулий зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не распух и не лопнул. А этот величавый вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картину. Она сказала:

– Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок берёсты маловат.

Вот копьё, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьём. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красавцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердишься?

Незнакомец (а он был *теварец*) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок, который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе не сидел бы ко мне спиной».

– Гляди, – сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок. – Теперь я нарисовала тебя. Я помещу то копьё, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живёт моя мама. Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти деревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и увидишь, когда

пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай если ты забудешь, я нарисовала *снаружи* то копьё, которое нужно папе. На самом деле оно *внутри*, но ты покажи картинку маме, и мама даст тебе это копьё. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял, или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был *теварец*) поглядел на картинку и очень часто кивал головой. Он сказал себе: «Если я не приведу племя этого великого вождя ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручение. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке берёсту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

– Что это ты делала, Таффи? – спросил Тегумай.

Он починил копьё и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

– Это мой секрет, милый папочка, – ответила Таффи. – Если ты не станешь расспрашивать меня, так скоро узнаешь, в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь себе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

– Ладно, – сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец (знаешь ли ты, что он был *теварец*?) всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в гости на доисторический завтрак.

Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец – самый настоящий *теварец* – вежливо улыбнулся и вручил Тешумай берёсту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь, и все шестеро уселись на него рядком, а Тешумай принялась вырывать у него из головы целые пучки волос.

– Всё очень понятно и просто, – сказала она. – Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьями и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими злодеяниями. Смотрите, – и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце, – вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копьё, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копьё, а вот другой человек, бросающий в него копьё из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

– Ужасно! – согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (это очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами. За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы – и все они в один голос решили: отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был *теварец*) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проволокли его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём; они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и, хотя их язык был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что они ругают его самыми злыми ругательствами. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегумайское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

– Быстро же ты воротился! – воскликнула Таффи. – Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

– Очень, – сказал Тегумай. – Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми своими соседками. Они крепко вцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны грязью (хоть он и был *теварец*). За ними шёл главный вождь со своим заместителем, потом министры и помощники вождя (вооружённые до верхних зубов), гетманы, сотники, негусы, воеводы со своими тыловыми отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними бежало всё племя, испуская такие ужасные вопли, которые разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров, не меньше.

Это очень рассердило Тегумая, и он покрыл прибежавших людей самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Тевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трясти его с бешеной яростью.

– Говори! Говори! Говори! – закричало всё тегумайское племя.

– Что за чепуха! – сказал Тегумай. – Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копье, как вот уж на него набрасывается всё его племя и начинает дубасить его? И кто дал вам право соваться в чужие дела?

– А ты так-таки и не принёс папиного чёрного копья! – сказала Таффи. – И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбегали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

– Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? – спросила Тешумай.

– Никаких тут не было злодеев! – отвечал Тегумай. – Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы бьёте сейчас. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

– Он принёс нам страшную картинку, – ответил главный вождь. – На картинке ты весь с головы до пят утыкан стрелами.

Тут заговорила Таффи:

– Ммм... Сказать по правде... это я дала ему картинку...

Ей было очень неловко.

– Ты?! – закричало всё тегумайское племя. – Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья?! Ты?!

– Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся довольно круто... – проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

– Говори! Говори! Говори! – сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

– Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копье, вот я и нарисовала копье, – пояснила Таффи. – Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, будто оно протыкает папину спину, это всё оттого, что кора очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, – это просто мои бобры. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он должен пройти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

Здесь ты видишь всю историю Таффамай
Металлумаи; в давние времена древний
народ вырезал её на старом слоновом бивне.

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, *теварец*); потом засмеялся Тегумай, и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя, оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– О Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

– Никакого открытия не хотела я сделать, – ответила Таффи. – Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копьё.

– Всё равно! Это великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его *умением писать*. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках – вы сами видели – не всегда можно разобратся как следует. Иногда выходит самая дикая путаница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать – и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

– Вот будет хорошо! – сказала Таффи. – Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копыя, какие только есть у тегумайского племени, но позабыли одно-единственное – чёрное копьё моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко.

После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий *теварец*). Племя усыновило его, потому что он

оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепили всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы – совсем как Таффи.

От Гилфорда невядалеке –
Гора; тропа кружит по ней.
Холм отражается в реке –
Сказать верней, в речушке Вэй.

Здесь раньше был торговый путь.
Сюда, слышав караван,
Сбегались бритты, чтоб взглянуть
На продавцов из жарких стран.

Менялось всё на всё подряд
(Тут главное – сойтись в цене):
Вы жемчуг нам – мы вам гагат,
Я – ракушки, железо – мне.

А за века до этих лет,
Здесь, забредя в безлюдный край,
Лишь зубры оставляли след
Да Таффи или Тегумай.

Всё изменилось с той поры:
Там, где сегодня сад цветёт,
Запруды строили бобры,
Медведи добывали мёд,

И Вэй (она звалась Вагай)
Лилась потоком через край,
И всем владели Тегумай
Да Тешумай и Таффамай!

КАК БЫЛ ПРИДУМАН АЛФАВИТ

Через неделю после того, как по вине Таффамай Металлумай (мы по-прежнему будем звать её Таффи, мой милый) произошло это маленькое недоразумение с Незнакомцем, отцовским копьём, письмом-картинкой и прочим, она вновь пошла с папой ловить сазанов. Мама хотела, чтобы девочка осталась дома и помогала ей развешивать шкуры для просушки на больших жердях возле их Первобытной Пещеры, но Таффи с утра пораньше убежала вслед за отцом, и они вместе ловили рыбу. Вдруг она принялась хихикать, и отец сказал ей:

– Не дури, дочка!

– Вот была потеха! – проговорила Таффи. – Помнишь, как вождь нашего племени раздувал щёки и до чего смешно выглядел этот славный Незнакомец с тиной в волосах!

– Ещё бы! – ответил Тегумай. – Мне пришлось отдать ему две оленьи шкуры – мягкие и обе с оборкой – в возмещение за причинённый ущерб.

– Да ничего мы такого не сделали! – возразила Таффи. – Это всё мама и другие наши доисторические дамы, да ещё тина.

– Что об этом толковать, – сказал отец. – Давай лучше завтракать.

Таффи взяла мозговую косточку и целых десять минут сидела тихо, как мышка, а тем временем её папа царапал акульим зубом кусок берёзовой коры. Потом она сказала:

– Папа, а я придумала одну занятную штуку! Выкрикни что-нибудь, всё равно что.

– А! – воскликнул Тегумай. – Ну как, для начала хватит?

– Да, – сказала Таффи. – Ты похож на сазана с открытым ртом. А теперь ещё раз, пожалуйста.

– А-а-а! – выкрикнул её папа. – И больше, дочка, не приставай.

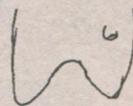
– А я и не пристаю, честное слово, – сказала Таффи. – Просто это часть моей выдумки. Повтори ещё раз «а», папа, и посиди немного с открытым ртом. Дай-ка мне этот зуб. Я хочу нарисовать открытый рот сазана.

– Зачем? – спросил отец.

– Сейчас увидишь, – сказала Таффи, царапая что-то на коре. – Это и есть мой маленький сюрприз. Я нарисую сазана с открытым ртом на закопчённой стене нашей пещеры – если только мама позволит, – и ты сразу вспомнишь про звук «а». И у нас будет такая игра: вроде я выскакиваю из темноты и пугаю тебя этим криком – как было прошлой зимой на Бобровом болоте.

– Вот как? – проговорил отец голосом, каким говорят взрослые, когда начинают слушать внимательно. – Продолжай, Таффи.

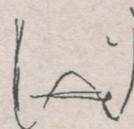
– Экая жалость, – проговорила девочка. – Я не могу нарисовать всего сазана, но я могу похоже изобразить рыбий рот. Ты же видел, как сазаны стоят на голове, когда роются в тине. Так вот, решим, что это сазан – будто он весь здесь нарисован. Это его рот, и он означает «а». – И она нарисовала вот что.

– Что ж, неплохо, – сказал Тегумай и нацарапал что-то на своём куске коры. – Но ты забыла про усы, которые висят у него поперёк рта.

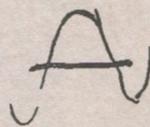
– Мне это не нарисовать, папа!

– Ты можешь рисовать не всего сазана, а только его открытый рот и ус поперёк. – И мы будем знать, что это сазан, потому что у окуня и форели нет усов. Гляди, Таффи! – И он нарисовал вот что.

– Сейчас я срисую, – сказала Таффи. – А ты догадаешься, что это, когда увидишь? – Она нарисовала вот что.

– Разумеется, – ответил отец, – и так же при этом испугаюсь, как если бы ты выскочила из-за дерева и крикнула: «А!»

– Теперь произнеси другой звук, – сказала Таффи, очень довольная собой.

– Йа! – громко выкрикнул отец.

– Гм, – произнесла Таффи. – Это двойной звук. Для второй части – «а» – годится рот сазана, но как быть с началом – «й-й-й»? «Йа»!

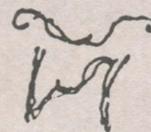
– Но это же очень похоже на тот звук, что с сазаном. Давай тут рисуем ещё кусочек сазана, – предложил отец. Он уже очень увлёкся этой затеей.

– Нет. Если эти звуки соединятся, я собьюсь. Нарисуем их по отдельности. Сперва – рыбий хвост. Ведь когда сазан стоит на голове, мы сперва видим его хвост. К тому же нарисовать хвост мне проще простого, – добавила Таффи.

– Прекрасная мысль, – сказал Тегумай. – Вот хвост сазана для звука «й». – И он нарисовал вот что.

– Теперь я попробую, – сказала Таффи. – Только помни, я не умею рисовать, как ты, папа. А если я нарисую только верх хвоста и проведу палочку вниз, годится? – И она нарисовала вот что.

Отец кивнул головой – его глаза сияли от удовольствия.

– Очень красиво, – сказала Таффи. – А теперь, папа, произнеси какой-нибудь другой звук.

– О! – громко сказал отец.

– Это очень просто, – сказала Таффи. – Для «о» ты делаешь рот совсем круглым – как яйцо или камень. Так что подойдёт одна из этих вещей.

– Не всегда же есть под рукой яйцо или камень. Значит, надо нарисовать какой-нибудь кружок. – И он нарисовал вот что.

– Ну и ну! – воскликнула Таффи. – Мы же придумали кучу рисунков для наших звуков: рот сазана, хвост сазана, яйцо! А теперь произнеси какой-нибудь новый звук, папа!

– С-с-с! – произнёс отец и нахмурился, но девочка была так увлечена, что этого не заметила.

– Очень просто, – сказала она и начертила что-то на куске коры.

– Ты про что? – спросил отец. – Я только хотел сказать, что я думаю и чтоб ты мне не мешала.

– Не важно, это тоже звук. Змея тоже издаёт его, когда она думает, папа, и не хочет, чтоб ей мешали. Изобразим звук «с» в виде змеи. Как, подойдёт? – И она нарисовала вот что. – Так, – сказала девочка, – и ещё вот что я придумала. Если ты нарисуешь шипящую змею на двери той пещерки, где чинишь копья, я буду знать, что ты о чём-то думаешь, и я войду туда тихо, как мышка. А если ты нарисуешь змею на дереве у реки, когда ловишь рыбу, я догадаюсь, что мне надо красться тише самой тихой мышки, чтобы вода не колыхнулась.

– Совершенно верно, – сказал Тегумай. – А знаешь, эта игра полезней, чем ты думаешь. Сдаётся мне, Таффи, милочка, что дочь твоего отца придумывает сейчас что-то самое важное с тех пор, как племя тегумаев научилось использовать акульки зубы вместо кремневых наконечников для своих копий. Кажется, мы раскрыли величайшую в мире тайну.

– Как так? – спросила Таффи, и глаза её засияли от радости.

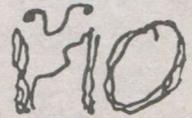
– Сейчас объясню, – ответил отец. – Как по-тегумайски «вода»?

– Конечно, «йа», и ещё это значит «река». К примеру: река Вагай – Вагай-йа.

– А как будет «дурная вода» – чёрная, болотная, – от глотка которой делается лихорадка?

– Конечно, «йо»!

– Теперь смотри, – продолжал отец, – допустим, ты увидишь такой рисунок у какого-нибудь пруда или на Бобровом болоте. – И он нарисовал вот что.

– Хвост сазана и яйцо – двойной звук! «Йо» – «дурная вода»! – воскликнула Таффи. – Но я и так не стала бы пить эту воду, раз ты сказал, что она вредная.

– Но мне не обязательно быть рядом. Я могу находиться за много миль отсюда, где-нибудь охотиться, и всё же...

– И всё же это будет, как если бы ты стоял рядом и говорил: «Ступай прочь, Таффи, не то схватишь лихорадку». А всё с помощью сазаньего хвоста и яйца! Надо поскорей рассказать это маме, папочка! – И Таффи принялась плясать вокруг него.

– Подожди-ка, – отвечал Тегумай, – надо придумать что-нибудь ещё. Давай-ка подумаем. «Йо» – «дурная вода», а «со» – пища, приготовленная на огне, правда? – И он нарисовал вот что.

– Да, змея и яйцо, – отозвалась Таффи. – Это значит «готов обед». Если ты увидишь такой рисунок на дереве, ты будешь знать, что пора возвращаться в пещеру. И я тоже.

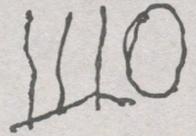
– Ишь ты! – проговорил Тегумай. – А ведь верно. Погоди минуточку. Не всё так просто. «Со» – значит «приходи обедать», а «шо» – это жерди, на которые мы вешаем шкуры для просушки.

– Ну да, эти гадкие сушильные жерди! – согласилась Таффи. – Я страсть как не люблю помогать вам развешивать на них тяжёлые,

жаркие, мохнатые шкуры. Если ты нарисуешь змею и яйцо, я решу, что пора обедать, и выйду на опушку, а мама быстренько заставит меня развешивать с ней на жердях шкуры, что мне тогда делать?

– Ты разозлишься. И мама тоже. Нам надо придумать отдельную картинку для «шо». Надо нарисовать пятнистую змею, которая шипит – «ш-ш-ш», и мы будем считать, что гладкая змея издаёт лишь звук «с-с-с».

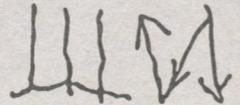
– Я не умею рисовать пятна, – сказала Таффи. – А вдруг ты в спешке забудешь нарисовать их? Тогда я приму «шо» за «со», и мама всё-таки изловит меня. Нет! По-моему, лучше изобразить сами эти гадкие высокие жерди – так уж не ошибёшься! Я поставлю их рядом. Гляди! – И она нарисовала вот что.

– Пожалуй, оно надёжней. Это и впрямь похоже на наши сушильные жерди, – смеясь, сказал отец. – А теперь я произнёс другой звук, в котором тоже будут жерди. – «Ши» – вот так! По-тегумайски это – «копье», Таффи. – И он рассмеялся.

– Не смейся надо мной, – сказала Таффи, вспомнив про своё письмо-картинку и про Незнакомца с тинной в волосах. – Сам рисуй это, папа!

– Теперь мы обойдёмся без бобров и холмов, не так ли? – сказал отец. – Нарисуем ещё три копия. – И он нарисовал вот что. – Даже мама тут не ошиблась бы и не решила, что я убит.

– Папа, не надо! Мне это не нравится. Давай-ка лучше поищем другие звуки. У нас это так хорошо получается.

– Гм, – произнёс Тегумай и поглядел вверх. – Ну, скажем: «шу», что значит «небо».

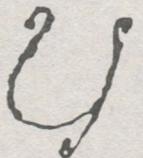
Таффи нарисовала жерди и остановилась.

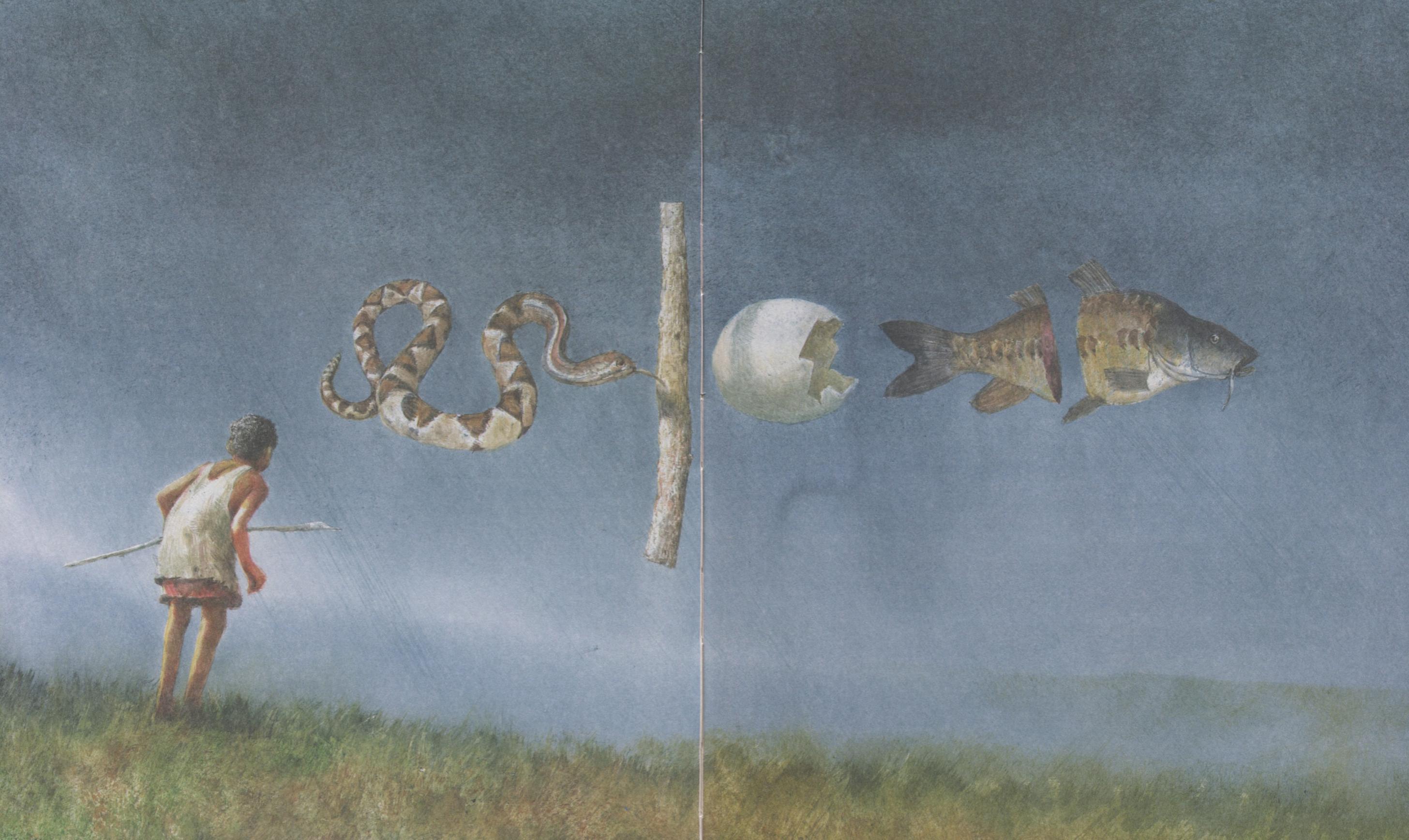
– Для окончания надо придумать какой-нибудь новый рисунок, правда?

– Шу, шу-у-у! – проговорил отец. – Что-то вроде недоконченного «о» – может, не совсем круглое яйцо?

– А давай нарисуем похудевшее яичко – ну, такая жаба, ничего не евшая несколько лет.

– Нет! – сказал отец. – Если мы будем рисовать в спешке, мы можем ненароком принять это яйцо за обычное. «Шу-шу-шу»! Кажется, я придумал! Мы немножко приоткроем это яйцо сверху, чтобы показать, как улетучивается звук «о» – «ооо-оо-о»! Вот так. А внизу сделаем закорючку. – И он нарисовал вот что.

– Ой как здорово! Куда лучше исхудавшей жабы. Пошли дальше, – сказала Таффи и принялась что-то чертить акульим зубом.

Отец продолжал рисовать, и рука у него дрожала от волнения. И он не остановился, пока не нарисовал вот что.

ШУ-ЙА

– Не подглядывай, Таффи, – сказал он. – Попробуй угадать, что это значит по-тегумайски. Если ты поймёшь – значит, тайна разгадана!

– Жерди, разбитое яйцо, хвост и рот сазана, – произнесла Таффи. – «Шу-йа»: «небесная вода», то есть дождь. – Тут как раз ей на руку капнула капля дождя – день был пасмурный. – Гляди, папа, дождь! Это ты и хотел мне сказать?

– Конечно, – ответил отец. – А ведь я сообщил тебе это, не произнеся ни слова.

– Я б, наверно, и так через минуту догадалась, но дождевая капля подтвердила мою мысль. Теперь я всегда буду помнить. «Шу-йа» – значит «дождь» или – что собирается дождь. Ай да папа! – И она вскочила с места и пустилась плясать вокруг него. – Вот, к примеру: ты уйдёшь из дому, прежде чем я проснусь, и оставишь на закопчённой стене надпись: «шу-йа». Тогда я буду знать, что собирается дождь, и надену капюшон из бобровой шкуры. То-то мама удивится!

Тегумай встал и тоже пустился в пляс. (Тогдашние отцы не стеснялись так вести себя.)

– Это ещё не всё, да-да! – проговорил он. – А если я захочу сообщить тебе, что дождь будет несильный и надо идти на реку? Тогда что мы рисуем? Сперва просто скажи по-тегумайски.

– «Шу-йа-лас, йа-мару». («Небесная вода кончается. Приходи река».) Ой, сколько тут новых звуков! Я даже не знаю, как нам изобразить их!

– А я знаю, я знаю! – воскликнул Тегумай. – Помолчи минутку, Таффи, а то мы сегодня на этом и застрянем. – «Шу-йа» у нас уже есть, правда? Вся трудность в «лас». Ла-ла-ла! – И он принялся размахивать своим акульим зубом.

– В конце там – змея и сазаний рот: «ас». Нам только нужно «ла», – объявила Таффи.

– Ну да, нужно придумать это «ла». Мы первые люди на свете, которые взялись за это дело, Таффамай!

– Ага, – сказала Таффи, зевая: она порядком-таки устала. – «Лас» – значит «сломать», «прикончить» или «положить конец», да?

– Верно, – сказал Тегумай. – «Йа-лас» значит, что в кадке у мамы нет воды и ей не с чем стряпать, а я иду на охоту.

– А «ши-лас» значит, что сломалось твоё копьё. Мне бы вспомнить про это, чем рисовать Незнакомцу разных там глупых бобров!

– Ла-ла-ла! – повторил, нахмурившись, Тегумай, размахивая палкой. – Не мешай!

– «Ши» изобразить проще простого, – продолжала Таффи. – А вот для «ла» нарисуем сломанное копьё, и всё! – И она нарисовала вот что.

– Отлично, – сказал Тегумай. – С «ла» справились. Получилось что-то совсем новое. – И он нарисовал вот что.

– Теперь «йа». Но это у нас уже есть. А теперь «мару». «М-м-м!» «М» произносят с закрытым ртом, правда? Вот и нарисуем такой закрытый рот. – И она нарисовала вот что.

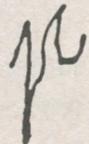
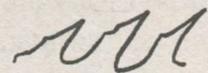
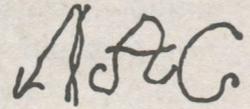
– А потом раскрытый сазаний рот. Получается «ма»! А как быть с этим «р-р-р», Таффи?

– Это звук грубый, какой-то зазубренный, вроде твоей пилы из акульего зуба, которой ты пилишь доску для лодки, – сказала Таффи.

– С такими зубцами, да? – спросил Тегумай и нарисовал вот что.

– Точно, – ответила Таффи. – Но нам не нужно столько зубцов, а только два.

– Даже один, – заметил Тегумай. – Если мы хотим, чтобы от этой игры была польза, то чем проще будут наши картинки, тем они будут для всех понятнее. – И он нарисовал вот что.

– Готово, – проговорил Тегумай, стоя на одной ноге. – Теперь я нарисую все значки подряд, в точности как мы нанизываем рыбу на бечёвку.

– А может, нам лучше поместить между значками щепочки или ещё что-нибудь, чтобы они не тёрлись друг об дружку, как мы делаем с сазанами?

– Да, я оставляю для этого место, – согласился отец. И он принялся с увлечением и без остановки рисовать подряд все придуманные значки на большом куске берёсты.

Шу-йа-лас йа-мару

– «Шу-йа-лас, йа-мару», – прочитала Таффи, переходя от значка к значку.

– Ну, на сегодня хватит, – сказал Тегумай. – К тому же ты устала, Таффи. Ничего, милая. Завтра мы это закончим, и нас будут помнить ещё многие и многие годы после того, как самое большое из этих деревьев пойдёт на дрова.

И они вернулись домой, и весь вечер Тегумай сидел по одну сторону костра, а Таффи – по другую, и они рисовали на закопчённой стене «йа» и «йо», «шу» и «ши» и беспрестанно хихикали, пока мама не сказала:

– Слушай, Тегумай, ты ещё хуже дочери!

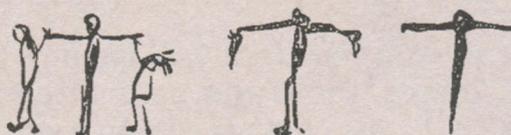
– Ах, оставь, пожалуйста, – сказала Таффи. – У нас тут один сюрприз для тебя, мамочка, и мы всё тебе расскажем, как только будет готово. А покуда, пожалуйста, не спрашивай, иначе я не выдержу и всё тебе открою.

И мама ни о чём не стала её спрашивать. А солнечным утром следующего дня Тегумай ранёшенько отправился на реку придумывать новые значки-картинки, а Таффи, как встала, увидела надпись мелом на большой каменной кадке возле пещеры: «Йа-лас» – «Вода кончается», что значит: «Беги за водой».

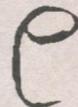
– Ну вот, – сказала себе Таффи, – эти картинки ещё добавят нам хлопот! Получается вроде как если бы папа пришёл и велел мне принести воды для кухни. – И она отправилась к роднику за пещерой и наполнила кадку с помощью берестяного ведёрка, а потом побежала к реке и дёрнула отца за левое ухо, что разрешалось ей только за хорошее поведение.

– А теперь давай рисовать остальные картинки, – сказал отец, и они весело провели день, между делом хорошо позавтракали и разок-другой затеяли шумную возню. Когда они дошли до «т», Таффи объявила,

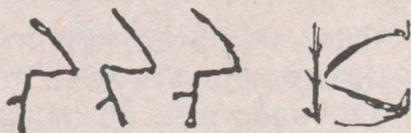
что, поскольку её имя, имена папы и мамы начинаются с этого звука, надо изобразить семейную группу и чтоб все держались за руки. Раз или два они нарисовали это очень тщательно, но в шестой и в седьмой раз начали чертить бегло, и под конец от «т» остался лишь худой и длинный Тегумай с протянутыми руками, чтоб держать Таффи и Тешумай. Вот по этим трём картинкам ты сумеешь отчасти понять, как это произошло.

Некоторые другие значки вышли чересчур замысловатыми, и о них здесь не стоит заводить разговор, в особенности натошак. Но чем больше и чаще их рисовали на берёсте, тем проще и отчётливей они становились, пока наконец и Тегумай не остался ими вполне доволен. Свистящий звук они повернули в другую сторону, и получилось «з». Для «е» они просто сделали закорючку, потому что оно очень часто повторяется. Для звука «в» они принялись рисовать священную тегумайскую Выдру, и она менялась от рисунка к рисунку. Для звука «н», поскольку он произносился в нос, они

начертили множество носов и к последнему сбоку приделали палочку, чтобы «н» не путать с другими крючками. Затем они опять нарисовали копьё, а перед ним чей-то клюв, чтобы изобразить звук «к». И так постепенно, дальше – больше, они придумали нужные рисунки для всего алфавита.

Прошли многие тысячи лет, после иероглифов возникли криптоические, рунические, дорические и ионические и прочие хитроумные письмены (ведь разные властители и блюстители ни за что не оставят хорошую вещь в прежнем виде), но всё это в конце концов уступило место

доброй старой и понятной азбуке с её привычными буквами, доступными каждому ребёнку, когда он подрастёт.

Потому я храню в памяти прошлое и не перестаю вспоминать Тегумая Бопсулая, Таффамай Металлумай и её мамочку Тешумай Тевиндро. А было это в точности так много-много лет назад на берегах Большой реки Вагай.

Уж тегумаев больше нет
И всех, кто к ним принадлежал,
А нам остался солнца свет
И край, что им принадлежал.

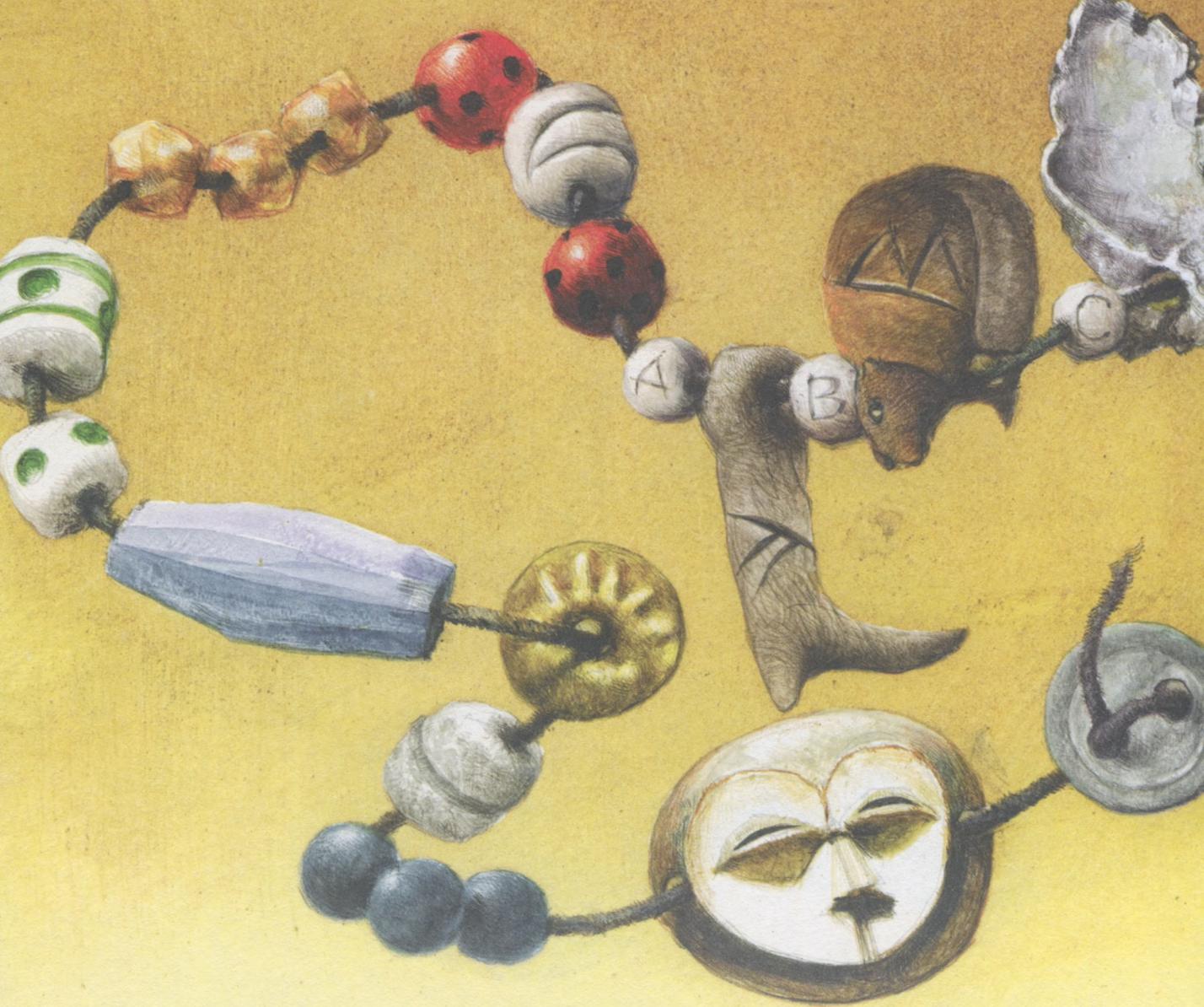
Как только год свершит свой круг
И радость в сердце запоёт,
К нам Таффи мчится через луг,
И вновь Весна в душе поёт.

Как золото её коса,
Венок из первых трав на ней,
Глаза – синей, чем небеса,
И лучезарный взгляд у ней.

Смела, свободна и стройна,
В оленьих башмачках бежит,
И светлячков несёт она,
Чтоб знали, где она бежит.

Она зовёт отца, кричит –
Поди докликься до него! –
А он навстречу ей спешит,
Она – всё счастье его!

Вскоре после того, как первобытный человек и его дочка составили свою азбуку, Тегумай начал делать волшебное азбучное ожерелье из начерченных ими букв. Он задумал повесить его в храме, чтобы оно вечно хранилось там.

Племя Тегумая приносило для ожерелья свои самые лучшие бусинки, раковины и пряжки, а Таффи с Тегумаем целых пять лет приводили в порядок эти драгоценности.

Здесь нарисовано азбучное ожерелье. Бусы, камешки и всё остальное было нанизано на самую лучшую и крепкую жилу северного оленя; и каждая вещица была обвязана тонкой медной проволокой. Посмотри, мой милый. Видишь?

ИСТОРИЯ ПРО ТЕГУМАЙСКИЕ ТАБУ

Самая важная из всех историй про Тегумая Бопсулая и его любимую дочку Таффамай Металлумай – это история про табу Тегумая и всего тегумайского племени. Слушай, внимай и запоминай, мой милый мальчик, ведь мы с тобой знаем толк в табу, ты и я.

Таффамай Металлумай (но ты можешь по-прежнему звать её «Таффи») ходила с Тегумаем в лес на охоту. Каждый знает, что на охоте в лесу нужно ходить тихо и бесшумно. Но Таффи всегда ходила очень шумно. Представляешь, она плясала на опавших листьях! Представляешь, она ломала сухие трескучие ветки! И ещё она съезжала с крутых откосов, и ещё она копала ямы и канавы; и ещё она шлёпала прямо по лужам и болотам – и всё время ужасно шумела! Поэтому все звери, на которых они охотились, – и белки, и бобры, и выдры, и барсуки, и олени (и кролики, конечно, тоже) – все слышали, что идут Таффи и её папа, и разбежались кто куда.

И тогда Таффи говорила:

– Ой, папочка, извини, пожалуйста.

– Что нам толку в твоих извинениях? – отвечал Тегумай. – Белки разбежались, бобры ушли под воду, олени ускакали, а кролики запрятались в норы. Тебя бы надо отшлёпать, о дочь Тегумая, и я отшлёпал бы, но слишком сильно тебя люблю.

И тут он увидел белку, которая, цокая и резвясь, сновала по стволу ясеня, и прошептал:

– Тише! Вон скачет наш ужин, Таффи, только смотри не спугни его.

– Кто? Где? Покажи мне, покажи скорей! – прошептала Таффи в ответ, и она шептала так хрипло и сипло, что посрамила бы даже паровозный гудок; и она, как ребёнок весьма эмоциональный, понеслась прямо по папоротникам; а белка, взмахнув хвостом, понеслась по деревьям и донеслась без остановки чуть ли не до середины Суссекса.

Тегумай ужасно разозлился. Он стал думать, как ему лучше наказать Таффи: сварить её живьём, или спустить с неё шкуру, или покрыть её табуировкой с головы до пяток, или обрить ей все волосы, или, может быть, не поцеловать на ночь; и пока он стоял и думал, мимо проходил Большой вождь тегумайского племени, весь разукрашенный орлиными перьями.

Большой вождь был ещё и Большой знаток Ритуальной и Прикладной Магии, и они с Таффи немножко дружили.

– Что случилось, о Лучший из Бопсулаев? – спросил Большой вождь. – У тебя сердитый вид.

– Это потому что я сержусь, – сказал Тегумай. И он подробно рассказал Большому вождю, как Таффи шумно ходит по лесу, и как она пугает дичь, и как она падает в болото, потому что глазеет по сторонам, и как она падает с деревьев, потому что не держится обеими руками за ствол, и как она пачкает ноги в зелёной болотной ряске, а потом шлёпает этими ногами по всей Пещере.

Большой вождь так качал головой, что его орлиные перья и ракушки на лбу зашуршали и затрещали, а потом сказал:

– Ладно, ладно! Я поразмыслю об этом позже. Сейчас, о Тегумай, я хочу поговорить с тобой о важном деле.

– Поговори, о Большой вождь! – сказал Тегумай, и оба чинно уселись на землю.

– Подумай и рассуди, о Тегумай, – сказал Большой вождь. – Наше племя слишком беспечно и бесконечно ловит рыбу в реке Вагай. И вот, взгляни: не осталось ни больших карпов, ни маленьких; даже карасей и тех не осталось! Как ты думаешь, не наложить ли нам на реку Вагай большое племенное табу, чтобы целых полгода в ней никто ничего не ловил?

– Это хорошая мысль, о Большой вождь, – сказал Тегумай. – Но какие будут последствия, если кто-то из наших людей нарушит табу?

– А последствия, о Тегумай, будут такие, – ответил Большой вождь. – Мы вразумим их прутьями, и жгучей крапивой, и комьями грязи; а если это их не проймёт, тогда мы острыми краями устричных раковин нанесём им на спины наш изящный тегумайский орнамент. Пойдём со мной, Тегумай, и мы наложим племенное табу на реку Вагай!

И они пошли к большой штаб-пещере Большого вождя, где хранились все магические Предметы и Принадлежности тегумайского племени; и они вытащили Большой Столб племенного табу, сделанный

из большого бревна (сверху на нём был вырезан тегумайский Тотемный Бобёр и другие звери, а под ними – все тегумайские знаки табу).

И они стали созывать тегумайское племя: Большой тегумайский рог завывал и призывал, Малый племенной барабан рокотал и грохотал, а Средняя тегумайская раковина выла, вопила и торопила.

Таффи дали постучать в Малый племенной барабан (ведь они с Большим вождём немножко дружили), и вышел бесподобный шум.

Когда всё племя собралось перед Пещерой, Большой вождь проговорил, и прокричал, и пропел:

– Слушай же, о тегумайское племя! Мы слишком много ловили рыбу в реке Вагай и распугали всех карпов. Теперь шесть месяцев в ней ничего нельзя ловить. Мы налагаем табу на всю реку Вагай, со всеми её островами и отмелями, с обеих сторон и посередине! Нельзя подходить к ней с острой ближе чем на десять взрослых шагов. Река Вагай – табу, табу и ещё раз табу! Табу на этот месяц, и на следующий, и ещё на дважды два месяца. Вся река – одно сплошное табу, о тегумайское племя! А теперь пойдём и поставим Столб Табу, и пусть никто не говорит, что не видел, не слышал и не знал!

И тогда все участники Собрании завопили, и побежали ставить Столб Табу на берегах реки Вагай, и помчались вдоль обеих её берегов (половина племени по одному берегу и половина по другому), и прогнали всех тегумайских мальчишек, которые не пришли на Собрание, потому что ловили раков; а потом все стали славить Большого вождя и Тегумая Бопсулая.

Потом Тегумай пошёл домой, а Таффи осталась с Большим вождём, потому что они немножко дружили. Таффи ещё никогда не видела, как накладывают табу, и всему удивлялась; она спросила у Большого вождя:

– А что значит табу по-взаправдашнему?

– Табу ничего не значит, пока его не нарушишь, о Единственная дочь Тегумая, – сказал Большой вождь. – Но, когда его нарушишь, оно означает удары прутьями, комья грязи и тегумайский племенной орнамент, нарисованный на спине острым краем устричной раковины.

И Таффи спросила:

– А можно мне тоже табу, совсем малюсенькое, чтобы я с ним играла?

– Я подарю тебе одно маленькое табу за то, что ты придумала говорящие рисунки, из которых когда-нибудь получится алфавит, – ответил

Этот тотемный Столб Табу, который
тегумайское племя поставило на реке Вагай.

Большой вождь. (Помнишь, как Таффи и Тегумай придумали алфавит? Вот поэтому Таффи и Большой вождь немножко дружили.)

И он снял с себя магическое ожерелье из обломков розового коралла, – а всего ожерелий у него было двадцать два, – и сказал:

– Если ты его на что-то наденешь, на что-то своё и больше ничьё, то эту вещь никто не сможет тронуть, пока ты не снимешь ожерелье. Это табу будет действовать только в твоей Пещере; но если ты бросишь свои вещи где попало, то оно не будет действовать, пока ты всё не положишь на место.

– Очень большое тебе спасибо, – сказала Таффи. – Но интересно, как оно подействует на моего папочку?

– Точно не знаю, – сказал Большой вождь. – Может, он просто вскрикнет и упадёт; а может, его начнёт крутить и колотить; или, может быть, он сделает три Извинятельных Шага и произнесёт Извинятельные Слова, а потом ты три раза дёрнешь его за волосы, если захочешь.

– А как оно подействует на мамочку? – поинтересовалась Таффи.

– На мамочек племени никакие табу не действуют, – сказал Большой вождь.

– Почему? – спросила Таффи.

– Потому что если наложить табу на мамочек, то они могут наложить табу на завтрак, обед и вечерний чай, а это будет грустно для всего племени. Поэтому ещё в Самые Давние времена племя решило навсегда отказаться от любых мамочкиных табу.

– Ну хорошо, – сказала Таффи. – Я вот что ещё хотела спросить: а вдруг у моего папочки тоже есть табу, и они наложатся на меня – скажем, если я нечаянно их нарушу?

– То есть как? – удивился Большой вождь. – Разве твой папа ещё ни разу не налагал на тебя табу?

– Ни разу, – сказала Таффи. – Он только сердится и говорит: «Чтоб я больше этого не видел!»

– О! Наверное, твой папа думает, что ты ещё маленькая, – сказал Большой вождь. – Но когда он увидит твоё настоящее взрослое табу, то наверняка наложит на тебя какие-нибудь свои взрослые табу.

– Спасибо, что предупредил, – сказала Таффи. – Знаешь, у меня есть свой садик возле Пещеры, и я хочу, чтобы в него входили только через вход; ты сможешь сделать, чтобы если я повешу ожерелье на дикую розу на входе, а кто-то войдёт по-другому, то пусть он не сможет выйти, пока не попросит прощения, ладно?

– О, конечно, конечно, – сказал Большой вождь. – Разумеется, ты можешь наложить табу на свой собственный садик.

– Спасибо, – сказала Таффи. – А теперь я побегу домой и посмотрю, что из этого получится.

Таффи вернулась в Пещеру уже к обеду. Когда она переступила порог, Тешумай Тевиндро, её любимая мамочка, не сказала как обычно: «Ты где была, Таффи?» Она сказала: «О дочь Тегумая, заходи и ешь», – как если бы Таффи была уже взрослой. И всё потому, что мама увидела ожерелье у неё на шее.

Её папочка, что сидел перед очагом в ожидании обеда, повторил те же слова, и Таффи почувствовала себя очень важной персоной.

Она оглядела Пещеру, чтобы проверить, все ли её свои-и-больше-ничьи вещи – её обеденная корзинка, её болотные грязеступы из берёсты, её копьё и метательная палка, и её собственная чинительная сумочка из шкурки выдры, с акульими зубами, нитками из оленьих жил и костяными иглами, – все ли они лежат на своих местах. Потом она потихоньку сняла ожерелье и накинула его на ручку деревянного ведёрка, в котором обычно носила воду.

И вдруг мама Тешумай сказала папе Тегумаю:

– О Тегумай! Не принесёшь ли ты свежей родниковой воды к обеду?

– Конечно, принесу! – сказал Тегумай и схватил ведёрко Таффи, на котором висело ожерелье. И тут же он с криком грохнулся на пол,

и скорчился, и покатился по Пещере, и вскочил, и упал, и снова вскочил, и опять упал.

– Дорогой мой, – сказала Тешумай Тевиндро, – сдаётся мне, ты случайно нарушил чьё-то табу. Тебе не больно?

– Ужасно больно, – сказал Тегумай. Он сделал три Извинятельных Шага, склонил голову набок и воскликнул:

– Я нарушил табу! Я нарушил табу! Я нарушил табу!

– Таффи, детка, – сказала Тешумай Тевиндро, – должно быть, это твоё табу. Иди-ка, дёрни папу три раза за волосы, не то ему придётся восклицать до самого вечера, а ты же знаешь, какой он делается, когда начинает восклицать.

Тегумай наклонился, и Таффи трижды дёрнула его за волосы. Он утёр пот со лба и сказал:

– Ну и сильное же у тебя табу, Таффи, честное слово! Откуда у тебя такое?

– Большой вождь дал. Он сказал, что если его нарушишь, то тебя будет крутить и колотить.

– И он был прав. Кстати, а про табу Знаков он тебе ничего не говорил?

– Нет, – сказала Таффи. – Он только сказал, что когда ты увидишь моё собственное настоящее табу, то, наверное, тоже покажешь мне какие-нибудь свои настоящие табу.

– Совершенно верно, моя дорогая и единственная дочь, – сказал Тегумай. – Я тебе покажу поразительные табу – например, табу Жгучей крапивы, табу Знаков, Чёрно-Белое табу и ещё много других. А сейчас, Таффи, смотри внимательно. Знаешь, что это такое?

И Тегумай нарисовал пальцем в воздухе вертящую змею.

– Это знак табу, которое запрещает вертеться за столом во время еды. Это важное табу, и если ты его нарушишь, то тебя тоже будет крутить и колотить; а может быть, я покрою тебя татуировкой с головы до пяток.

И Таффи просидела смирно весь обед. Потом Тегумай поднял правую ладонь с плотно сжатыми пальцами.

– Это табу называется «стой-замри». Увидишь его – остановись и замри, что бы ты ни делала. Если шьёшь – замри, не закончив стежок. Если идёшь – замри на месте, хоть бы даже с поднятой ногой. Если лежешь по дереву, замри на ветке. И не двигайся, пока я не сделаю вот так.

И Тегумай поднял правую руку и помахал ею у себя перед носом.

– Это знак «отомри». Как увидишь его, можно снова делать то, что раньше.

– А это что, безожерельевое табу? – спросила Таффи.

– Нет, у него есть ожерелье, красное с чёрным. Но не буду же я продираюсь к тебе сквозь папоротник с ожерельем в руках всякий раз, как увижу оленя или кролика и захочу, чтоб ты замерла? – сказал Тегумай. – Я думал, ты лучше разбираешься в охоте. А вдруг мне понадобится пустить стрелу прямо у тебя над головой?!

– Да, но как я тогда узнаю, на кого ты охотишься?

– Следи за моей рукой, – сказал Тегумай. – Помнишь, как олень, перед тем как убежать, делает три маленьких прыжка – вот так? – И он три раза описал пальцами дугу, и Таффи кивнула. – Увидишь такой знак – значит, мы встретили оленя. А если я покачаю вверх-вниз указательным пальцем – это кролик.

– Ну да, кролик так и бежит, – сказала Таффи и тоже покачала указательным пальцем.

– Белка – подъём по крутой спирали.

– Ага, как белка карабкается по стволу. Понятно, – сказала Таффи.

– Выдра – долгий, ровный, прямой взмах рукой – вот так.

– Угу, как выдра плавает в пруду, – сказала Таффи.

– А для бобра – словно я кого-то шлёпаю ладонью.

– Как бобр шлёпает хвостом по воде, когда испугается. Понятно.

– Это всё не табу. Это просто Знаки, чтобы ты знала, на кого я охочусь. А вот когда я показываю «стой-замри», ты обязательно должна заметить, потому что это важное табу.

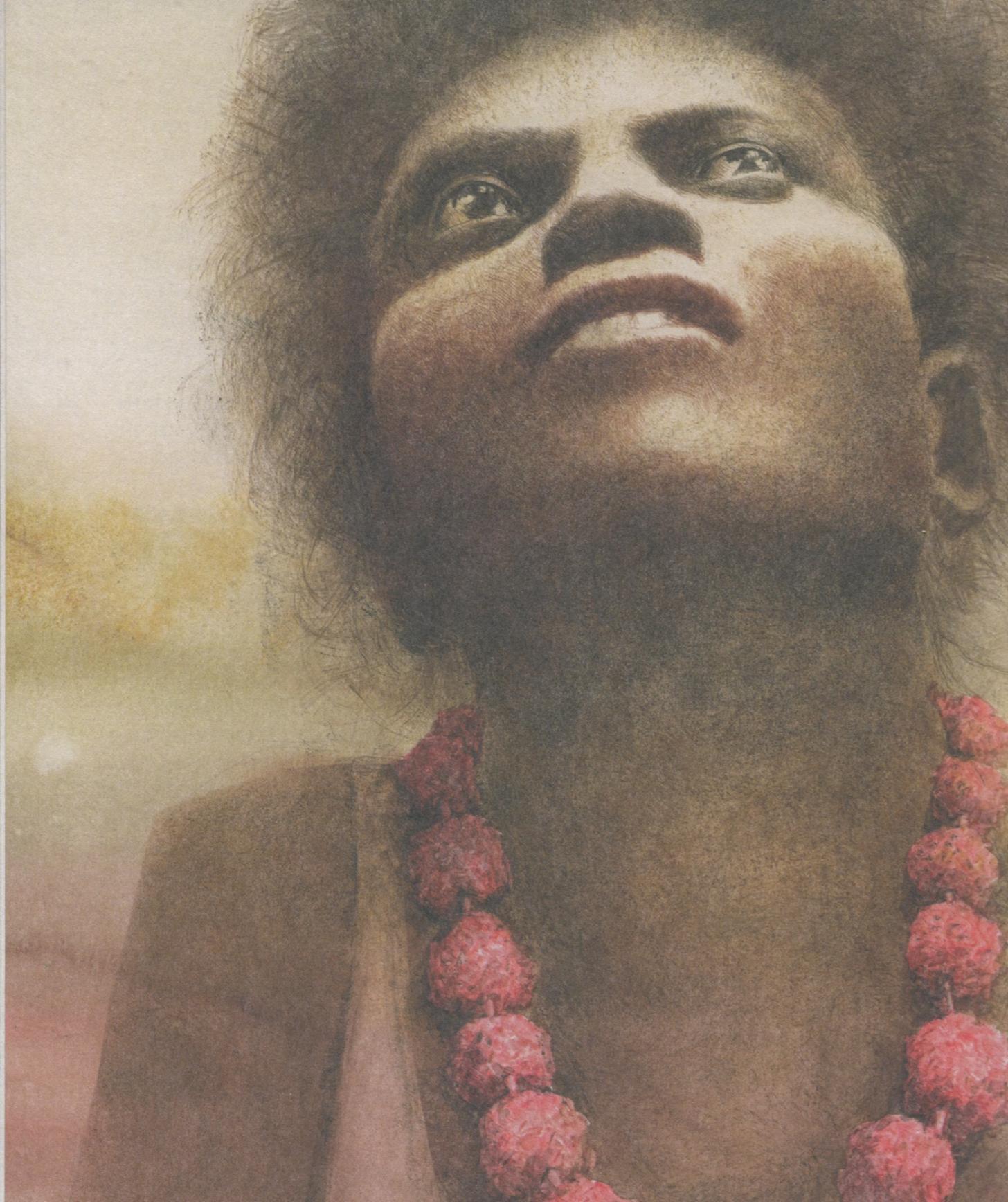
– Я тоже могу наложить табу «стой-замри», – сказала Тешумай Тевиндро, которая сшивала олени шкуры. – Например, на тебя – если ты слишком разгуляешься перед сном.

– А если я его нарушу? – спросила Таффи.

– Нарушить табу можно только случайно.

– Ну, допустим, я его случайно нарушила, – сказала Таффи.

– Тогда ты останешься без своего ожерелья. Тебе придётся вернуть его Большому вождю, и тебя будут звать просто «Таффи», а не «дочь Тегумая». Или мы даже поменяем тебе имя на Шалунай Табумзуллай – «Скверная-девочка-которая-не-умеет-соблюдать-табу», – и может быть, даже не будем целовать тебя на ночь и по утрам.

– Хм! – сказала Таффи. – Что-то мне эти табу совсем разонравились.

– Ну, тогда верни ожерелье Большому вождю и скажи, что снова хочешь быть маленькой, о Единственная дочь Тегумая! – сказал её отец.

– Нет, – сказала Таффи. – Лучше ещё что-нибудь расскажи про табу. А можно мне другие свои-и-больше-ничьи табу, только те, Особые, от которых бывают судороги и корчи?

– Нет, – ответил папа. – Ты ещё не доросла до табу, от которых с людьми делаются судороги. Пока тебе хватит и этого розового ожерелья.

– Тогда расскажи мне ещё про табу, – попросила Таффи.

– Я хочу спать, доченька. Сейчас я наложу табу Тишины на любые разговоры со мной – до тех пор, пока солнце не сядет вон за тот холм; а вечером мы пойдём и попробуем поймать пару кроликов. Иди к маме, она тебе расскажет про другие табу. Какое счастье, что теперь ты девочка-у-которой-есть-табу и тебе ничего не нужно повторять дважды!

Таффи тихо разговаривала с мамой, пока солнце не опустилось за тот самый холм. Тогда она разбудила Тегумая, они собрали охотничьи принадлежности – каждый свои – и отправились в лес. Проходя через свой маленький садик перед Пещерой, Таффи сняла ожерелье и повесила на розовый куст. Вокруг её садика вместо ограды лежали белые камни, но Таффи хотела, чтобы все проходили мимо розы, как будто там *ваправдашняя* калитка; и всё племя об этом знало.

– Кого это ты хочешь поймать? – спросил Тегумай.

– Увидим, когда вернёмся, – ответила Таффи. – Большой вождь обещал, что если кто-то нарушит это табу, то будет здесь сидеть, пока я не выпущу.

Они прошли по лесу, перебрались через реку Вагай по упавшему дереву и полезли на вершину лысого холма, где в папоротниках было полным-полно кроликов.

– Не забывай, что теперь ты девочка-у-которой-есть-табу, – сказал Тегумай, когда Таффи, вместо того чтобы выслеживать кроликов, стала носиться туда-сюда и задавать вопросы; он сделал знак «стой-замри» (мы с тобой знаем это табу – правда, моя радость?), и Таффи замерла, словно превратилась вдруг в каменную глыбу. Она как раз наклонилась завязать шнурок, да так и застыла со шнурком в руке (мы с тобой знаем такое табу, ты и я) и не сводила глаз с папы, как и положено во время

табу «стой-замри». Наконец Тегумай, который был уже далеко, обернулся и подал знак «отомри». Таффи бесшумно двинулась вперёд через папоротники, по-прежнему следя за папиной рукой, и тут перед ней выскочил кролик. Таффи уже замахнулась своей палкой-швырялкой, как вдруг увидела, что Тегумай подал знак «стой-замри», и застыла с занесённой палкой и разинутым ртом. Кролик побежал в сторону Тегумая, и тот его поймал. Потом Тегумай подошёл к Таффи, поцеловал её и сказал:

– Вот это, я понимаю, настоящая дочка! Знаешь, Таффи, теперь с тобой охотиться не так уж и плохо.

Они пошли дальше, и очень скоро выскочил ещё один кролик. Тегумай его не заметил, зато заметила Таффи – и поняла, что, если Тегумай его не спугнёт, кролик побежит в её сторону; и она подняла руку, сделала кроличий знак (чтобы папа понял, что она не шутит) и наложила табу «стой-замри» на своего папу. Да, мой милый, на своего собственного папу!

Тегумай перелезал через упавшее дерево да так и замер с поднятой ногой; кролик побежал мимо Таффи, и она убила его своей палкой-швырялкой; она так разволновалась, что забыла снять табу «замри», и Тегумай ещё целых две минуты простоял на одной ноге, не смея опустить другую. Потом он подошёл к Таффи, поцеловал её, подбросил в воздух, посадил к себе на плечо и затанцевал от радости.

– Моя дочка – самая лучшая дочка на свете, о Единственная дочь Тегумая! – воскликнул он. – Честное тегумайское слово! – И Таффи было жуть как *польстительно и гордительно*.

Когда они возвращались домой, уже почти стемнело. Они добыли пять кроликов, и двух белок, и ещё водяную крысу: Таффи хотела сшить сумочку из её шкурки. (В те времена люди охотились на водяных крыс, потому что им было негде купить сумочку, но для нас водяная крыса такое же табу, как и любое другое живое существо.)

– Наверно, я привёл тебя слишком поздно, – сказал Тегумай, когда они пришли домой. – Мама будет сердиться. Беги вперёд, Таффи! Смотри, уже виден огонь в Пещере.

Таффи побежала домой, и в тот же самый миг Тегумай услышал, как затрещали кусты; оттуда выскочил большой тощий серый волк и бесшумно двинулся вслед за Таффи.

Всё тегумайское племя ненавидело волков и убивало их когда только можно, потому что волки боялись взрослых, но никогда не упускали случая напасть на ребёнка. Прежде Тегумай не встречал волка так близко от своей Пещеры.

Он поспешил за Таффи, и волк, услышав его, прыгнул назад в кусты. Таффи вертела водяной крысой и что-то напевала себе под нос, радуясь, что папа снял с неё все табу, и поэтому ничего не услышала.

Добежав до лужайки перед Пещерой, Таффи увидела, что среди роз стоит кто-то высокий, но кто – непонятно, потому что уже совсем стемнело.

«Значит, моё ожерелье и вправду кого-то поймало», – подумала она и побежала скорей посмотреть, кто там стоит, но тут раздался папин голос: – Таффи, замри! «Стой-замри», пока я не подам знак!

И она замерла на месте, держа в руках водяную крысу и метательную палку, и только скосила глаза на папу, чтобы не пропустить знак «отомри».

Это было самое долгое «замри» за весь день. Тегумай отошёл подальше к лесу; в одной руке он держал каменный метательный топор, а другой рукой делал знак «замри».

Тут Таффи заметила, что к ней крадётся в траве что-то серое. Это серое остановилось, немножко отползло и снова стало подкрадываться к ней.

И вдруг мимо её плеча прошуршал, словно куропатка, папин каменный метательный топор, а ещё один топор со свистом вылетел откуда-то из её роз, и раздался вой, и она увидела большого серого волка, который лежал в траве и дёргал лапами, уже мёртвый.

А потом Тегумай схватил её, и поцеловал семь раз подряд, и воскликнул:

– Честнейшее тегумайское и честное бопсулайское слово! Такой дочкой, как ты, можно гордиться и хвалиться! Ты знала, Таффи, кто это был?

– Нет, не знала, – ответила Таффи, – но я не испугалась, потому что ты был рядом. Я знала, что ты не дашь ему меня тронуть.

– Молодчина, – сказал Тегумай, нагнулся к волку и вытащил оба топора.

– Да это же топор Большого вождя! – сказал он, глядя на магический метательный топор с большим нефритовым наконечником.

– Да, это мой, – откликнулся Большой вождь из Таффиных роз, – и я буду крайне признателен, если ты вернёшь мне его. Я пришёл с тобой поговорить, не заметил ожерелье на розовом кусте и нечаянно зашёл в садик Таффи через ограду. Разумеется, пришлось ждать, пока Таффи не выпустит меня.

И Большой вождь, во всех своих перьях и раковинах, склонил голову, сделал три Извинятельных Шага и произнёс: «Я нарушил табу! Я нарушил табу! Я нарушил табу!» – а затем торжественно и величаво поклонился Таффи, так что его длинные орлиные перья почти коснулись земли, и проговорил, и пропел:

– О дочь Тегумая, ты настоящая девочка-у-которой-есть-табу! Я всё видел, и я очень рад. Хотя сперва я не был очень рад, потому что с шести часов вечера стою в твоём садике, на который ты смеха ради наложила табу.

– И вовсе не ради смеха, – ответила Таффи. – Я хотела по-взаправдашнему увидеть, что моё табу кого-нибудь поймает. Но я не думала, что такое маленькое табу поймает такого большого вождя, как ты, о Большой вождь.

– Я ведь тебе говорил, что оно настоящее. Я же сам тебе его дал, – сказал Большой вождь. – Разумеется, оно кого хочешь поймает. Но я на тебя не сержусь. Знаешь, моя дорогая Таффи, я охотно простоял бы в твоём садике не с шести вечера, а с двенадцати утра, лишь бы увидеть, как прекрасно ты выдержала это последнее табу «замри». Когда волк крался к тебе через луг, не многие мужчины племени справились бы с этим табу так, как ты, Таффи, честное слово Вождя!

– Что ты собираешься сделать с волчьей шкурой, о Большой вождь? – спросил Тегумай (ведь по тегумайскому племенному обычаю Большой вождь забирает себе любого зверя, в которого он метнул свой топор).

– Разумеется, отдам Таффи на зимнюю накидку, – сказал Большой вождь, – а из зубов и когтей я сделаю ей магическое ожерелье,

её-и-больше-ничьё. А рассказ о Таффи, волке и табу «стой-замри» я вырежу на тегумайской Памятной доске, чтобы все дочери племени его видели, знали, помнили и понимали.

Потом Таффи пришло время спать, и она ушла в свою спальную пещерку, а когда Тегумай и Большой вождь зашли к ней пожелать доброй ночи, они ещё немножко поиграли, и устроили шум и гам, и возили Таффи по Пещере на оленьей шкуре (как в наши дни детей возят по полу на каминном коврике), а потом разыгрались и стали бросаться подушками из выдровой шкуры, и поломали множество старых копий и удочек, развешанных по стенам, и учинили такой тарарам, что прибежала Тешумай Тевиндро и воскликнула:

– А ну замрите! Табу «стой-замри» на вас всех! Неужто вы думаете, что ребёнок уснёт при таком шуме?!

И они *по-взаправдашнему* пожелали Таффи спокойной ночи, и она легла спать.

Хочешь знать, что было потом? Потом Таффи (так же, как и некоторые наши с тобой знакомые) научилась всем табу. Она выучила табу Белой Акулы, которое велит быстро съесть свою еду, а не играть с ней (к этому табу, кстати, прилагается бело-зелёное ожерелье); она выучила табу «рот-на-замок», которое велит молчать, когда к маме в гости приходят первобытные дамы (к этому табу прилагается голубое с белым ожерелье); она выучила табу Глазастой Совы (с чёрно-синим ожерельем), которое не разрешает глазеть на незнакомых; она выучила табу Раскрытой Руки (с абсолютно белым ожерельем, как всем известно), которое запрещает бурчать и ворчать, когда тебя просят что-то одолжить; и она выучила пять других табу.

Но самое главное, чему Таффи научилась и чего никогда не нарушала, даже случайно, – это табу «стой-замри». Вот почему папа, куда бы он ни шёл, повсюду брал её с собой.

КРАБ, КОТОРЫЙ ИГРАЛ С МОРЕМ

В давние-предавние времена, мой милый, было Начало всех Начал, и в те дни Великий Маг творил Всё Сущее. Сперва он сотворил Землю; потом он сотворил Море; потом он призвал к себе всех Животных и повелел им играть. И Животные сказали:

– О Великий Маг, во что же нам играть?

И он им ответил:

– Я покажу вам. – Он вызвал из толпы Слона – Прародителя всех Слонов – и сказал ему: – Ты играй в Слона!

И Прародитель всех Слонов принялся играть.

Тогда Великий Маг вызвал Бобра – Прародителя всех Бобров – и сказал ему:

– Играй в Бобра!

И Прародитель всех Бобров принялся играть.

Великий Маг вызвал Корову – Прародительницу всех Коров – и сказал ей:

– Играй в Корову!

И Прародительница всех Коров принялась играть.

Он вызвал Черепаху – Прародительницу всех Черепах – и сказал ей:

– Играй в Черепаху!

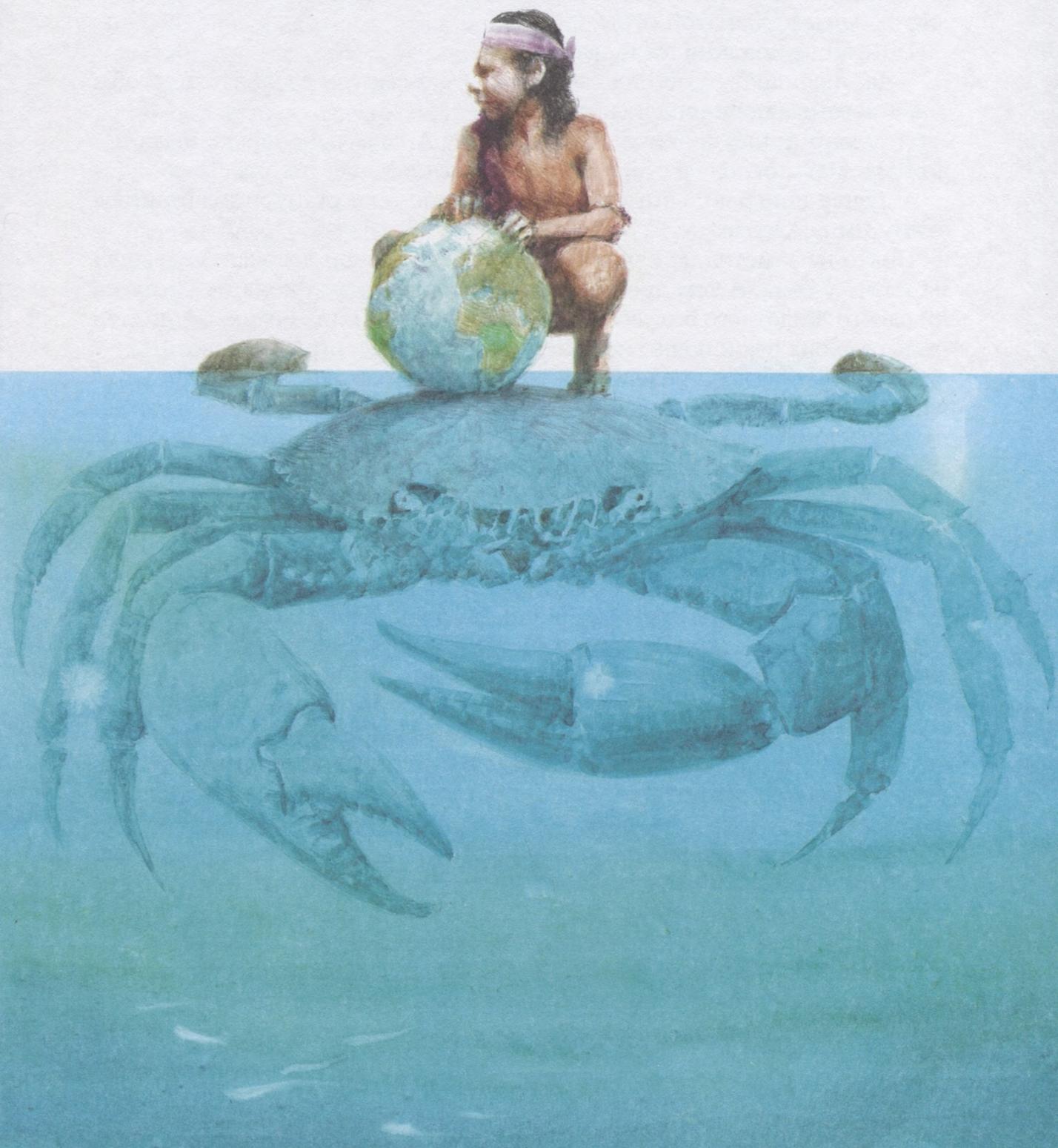
И Прародительница всех Черепах принялась играть.

Так, одного за другим, он перебрал всех Животных, Птиц и Рыб и каждому назначил свою игру.

К вечеру, когда все живые существа притомились и устали, явился Человек с какой-то девочкой – ну конечно же со своей любимой дочуркой, которая сидела у него на плече, – и спросил:

– Что это за игра, Великий Маг?

И Великий Маг ответил:

– О Сын Адама, игра эта называется – Начало всех Начал, но ты слишком умён для этой игры.

И Человек поклонился и сказал:

– Да, я слишком умён для этой игры, но смотри сделай так, чтобы все Животные повиновались мне.

И пока они разговаривали, Краб – Пау Амма, чья очередь была подойти к Магу, отполз в сторону и спустился в Море, говоря себе:

– Лучше поиграю один в морской пучине – не стану я подчиняться этому Сыну Адама.

Никто не заметил, как он ушёл, кроме маленькой девочки, сидевшей на плече у отца. А тем временем игра продолжалась, пока не осталось ни одного Животного без своей собственной игры. Тогда Великий Маг стёр пыль со своих рук и пошёл по свету – смотреть, как играют Животные.

Он отправился на Север, мой милый, и обнаружил там Прародителя всех Слонов, который рыл клыками и топтал ногами чистенькую новенькую землю, только что для него созданную.

– *Кун?* – спросил Прародитель всех Слонов, что означало: «Верно?»

– *Пайя кун,* – ответил Великий Маг, что означало: «Вполне». Он дунул на глыбы и комья земли, которые набросал Прародитель всех Слонов, и превратил их в высоченные Гималайские горы, ты можешь отыскать их на карте.

Он отправился на Восток и обнаружил там Прародительницу всех Коров, которая паслась в поле, только что для неё созданном, она враз слизнула языком целый лес и улеглась жевать жвачку.

– *Кун?* – спросила Прародительница всех Коров.

– *Пайя кун,* – ответил Великий Маг. И он дунул на голое место, ею объединенное, и часть этого пастбища превратилась в Великую индийскую пустыню, а другая – в пустыню Сахару, ты можешь отыскать их на карте.

Он отправился на Запад и обнаружил там Прародителя всех Бобров, который строил плотины в ущельях широченных рек, только что для него созданных.

– *Кун?* – спросил Прародитель всех Бобров.

– *Пайя кун,* – ответил Великий Маг. И он дунул на поваленные стволы и неподвижные воды, и они превратились в болотистые низины Флориды, ты можешь отыскать их на карте.

Потом он отправился на Юг и обнаружил там Прародительницу всех Черепах, которая разгребала лапами песок, только что для неё созданный, и песок и камни летели в воздух и падали далеко в море.

– Кун? – спросила Прародительница всех Черепах.

– *Пайя кун*, – ответил Великий Маг. И он дунул на песок и камни, и те из них, которые упали в море, превратились в живописные острова Борнео, Целебес, Суматра, Ява и другие острова Малайского архипелага, ты можешь отыскать их на карте.

Вскоре Великий Маг встретил Человека на берегу реки Перак и спросил его:

– Ну что, Сын Адама, все ли Животные повинуются тебе?

– Да, – ответил Человек.

– Повинуется ли тебе вся Земля?

– Да, – ответил Человек.

– Повинуется ли тебе всё Море?

– Нет, – ответил Человек. – Один раз в день и один раз в ночь Море добегает до реки Перак и гонит её воды обратно в лес, так что заливает мой дом. Один раз в день и один раз в ночь оно уводит с собой реку вместе со всей водой, оставляя лишь илистую топь, и опрокидывает мою лодку. Или это игра, которую ты назначил Морю?

– Нет, – сказал Великий Маг, – это какая-то новая и плохая игра.

– Смотри! – сказал Человек; и как раз в эту минуту Море докатило свои высокие волны до устья реки Перак, погнало её назад и гнало до тех пор, пока она не затопила все угрюмые леса и окрестности и не залила хижину Человека.

– Скверное дело! Спускай на воду свою лодку, и пойдём разведем, кто так играет с Морем, – приказал Великий Маг.

Они сели в лодку, и маленькая девочка тоже отправилась вместе с ними. И Человек прихватил свой *крис* – тонкий кривой кинжал со сверкающим клинком, и они поплыли по реке Перак. Тут Море начало отступать, и лодку вынесло из устья реки Перак и повлекло мимо Селангора, мимо Малакки, мимо Сингапура и дальше, дальше к островам Бинтан, словно бы их тащили на верёвке.

Тогда Великий Маг встал с места и закричал:

– Звери, Птицы, Рыбы – все, побывавшие у меня в Начале всех Начал и обученные каждый своей игрой, кто из вас так играет с Морем?

И все Звери, Птицы и Рыбы ответили хором:

– О Великий Маг! Мы и дети наших детей играем в игры, которым ты обучил нас. Но никто из нас не играет с Морем.

Тут над Морем встала Полная Луна, и Великий Маг сказал старому горбуну, который сидит на Луне и плетёт леску, надеясь когда-нибудь выудить подлунный мир:

– Эй, Рыбак с Луны, не ты ли это играешь с Морем?

– Нет, – ответил Рыбак. – Я плету леску, чтоб когда-нибудь выудить подлунный мир. А с Морем я не играю. – И он опять взялся плести свою леску.

А на Луне ещё живёт Крыса, которая всякий раз перекусывает леску старого Рыбака, едва он покончит с делом, и Великий Маг обратился к ней:

– Эй, Крыса, уж не ты ли играешь с Морем?

И Крыса ответила:

– С меня хватит перекусывать леску, что плетёт этот старый Рыбак. А с Морем я не играю. – И она опять взялась за своё.

Тогда маленькая девочка протянула вперёд свои нежные загорелые ручки, украшенные браслетами из красивых белых ракушек, и сказала:

– О Великий Маг, когда в Начале всех Начал мой отец говорил с тобой, держа меня на плече, а ты обучал Животных их играм, один непослушный зверь уполз в Море, не желая учиться твоей игре.

И Великий Маг сказал:

– До чего же умны эти маленькие дети – те, что всё видят и молчат! На что ж он был похож, этот зверь?

И маленькая девочка ответила:

– Он был круглый и плоский, глаза у него на стебельках, спина покрыта толстым панцирем, а ходит он вот так – боком.

И Великий Маг сказал:

– До чего же умны эти маленькие дети – те, что говорят правду! Теперь я знаю, куда подевался Пау Амма. Дай-ка мне весло.

И он взял весло; но весло было совсем ни к чему, потому что волны упорно несли их мимо всех островов, пока они не достигли места под названием Пусат Тасек, то есть Сердце Моря, где находится глубокая пещера, ведущая к сердцу вселенной, а в пещере той растёт Чудо-Дерево – Паух-Джанги, на котором висят волшебные орехи из двух половинок. Тогда Великий Маг по плечо опустил руку в глубокую тёплую воду

и под корнями Чудо-Дерева нащупал широкую спину краба Пау Аммы. Но Пау Амма зарылся ещё глубже в песок, а Море поднялось, как бывает, когда ты опустишь руку в тазик.

– А! – сказал Великий Маг. – Теперь я знаю, кто играет с Морем. – И он прокричал: – Что ты там делаешь, Пау Амма?!

И Пау Амма ответил из самой глубины:

– Один раз в день и один раз в ночь я выхожу поискать себе пищу. Один раз в день и один раз в ночь я возвращаюсь назад. Оставь меня в покое!

Тогда Великий Маг сказал:

– Слушай, Пау Амма! Когда ты вылезает из своей пещеры, вся морская вода уходит в Пусат Тасек и бухты соседних островов мелеют, рыбёшки умирают, а Раджа Моянг Кабан, Король Слонов, увязает в болоте. Когда же ты возвращаешься назад и усаживаешься в Пусат Тасек, вся морская вода поднимается вверх, затопляет половину всех островов и заливают хижину Человека, а Раджа Абдулла, Король Крокодилов, набирает полон рот солёной воды.

На это Пау Амма со смехом ответил ему из глубины:

Здесь нарисован Пау Амма, Краб убегающий
в Море в то время, как Великий Маг разговаривает
с Человеком и его маленькой дочкой.

– А я и не знал, что я столь важная особа! Отныне я буду выходить по семи раз на дню, и не видать вам тихой воды!

И Великий Маг сказал ему:

– Я не могу заставить тебя играть в назначенную тебе игру, потому что ты ускользнул от меня в Начале всех Начал. Но если ты не боишься – выходи, и мы потолкуем об этом.

– А я и не боюсь, – ответил Пау Амма, и он всплыл на поверхность Моря, залитую лунным сиянием. Никто на свете не мог сравниться по величине с Пау Аммой – ибо он был Повелителем всех Крабов. Не простой Краб, а Краб-Король. Одна сторона его гигантского панциря касалась берега Саравака, другая касалась берега Паханга, а сам он был выше дыма из трёх вулканов! Продираясь сквозь ветви Чудо-Дерева, он сорвал один из орехов – волшебных молодильных орехов с двумя ядрышками; маленькая девочка увидела, как орех плывёт по воде, взяла его в лодку и принялась вырезать в кожуре дырочки своими маленькими золотыми ножничками.

– Теперь, – сказал Маг, – поколдуй, Пау Амма! Докажи, что ты и впрямь важная особа.

Пау Амма вращал глазами, махал лапами, но по Морю лишь проходила лёгкая зыбь, потому что хоть он и был Королём Крабов, но всё же был только Крабом; и тогда Великий Маг рассмеялся.

– Видно, не такая уж ты важная особа, Пау Амма, – сказал он. – А теперь давай я поколдую! – И Маг повелительно поднял левую руку – лишь один мизинец левой руки, – и тут же, мой милый, с Пау Аммы, подобно скорлупе кокосового ореха, слетел его твёрдый иссиня-зелёно-чёрный панцирь, и Пау Амма стал мягким-мягким, как те маленькие крабики, которых по временам ты находишь на берегу, мой милый.

– А ты и взаправду очень важная особа! – промолвил Великий Маг. – Может, мне попросить Человека разрезать тебя своим крисом? А может, повелеть, чтоб пришёл Раджа Моянг Кабан, Король Слонов, и проткнул тебя своими клыками, или явился Раджа Абдулла, Король Крокодилов, и искусал тебя?

А Пау Амма ответил:

– Мне очень стыдно! Отдай мне мой твёрдый панцирь и отпусти меня назад в пещеру Пусат Тасек, и я буду выходить из дому только один раз в день и один раз в ночь за едой.

И Великий Маг сказал:

– Нет, Пау Амма, я не верну тебе твой панцирь – иначе ты станешь ещё больше, сильнее и заносчивей и, пожалуй, забудешь своё обещание и снова начнёшь играть с Морем.

Тогда Пау Амма сказал:

– А что мне делать? Я так велик, что могу прятаться только в Пусат Тасек, а если пойду куда-нибудь ещё, то меня съедят акулы – такой я теперь мягонький! В Пусат Тасек я, такой мягонький, конечно, буду в безопасности, но совсем не смогу выходить оттуда за едой и потому умру. – И он замахал лапами и заплакал.

– Послушай, Пау Амма, – сказал Великий Маг, – я не могу заставить тебя играть в назначенную тебе игру, потому что ты ускользнул от меня в Начале всех Начал. Но, если ты хочешь, я могу сделать так, что каждый камень, каждая норка, каждый пучок водорослей в любом море всегда будет столь же безопасным местом для тебя и твоих детей, как Пусат Тасек.

На это Пау Амма ответил:

– Оно, конечно, неплохо, но я пока ещё не решил. Гляди! Вот тот Человек, что беседовал с тобой в Начале всех Начал. Если б он не отвлёк тебя, я бы не устал дожидаться и не ушёл и ничего бы такого не случилось. Что он-то для меня сделает?

И Человек сказал:

– Если ты хочешь, я наколдую, чтоб и морские глубины и суша равно были бы домом для тебя и твоих детей – тогда ты сможешь прятаться и в земле, и в воде.

Здесь нарисовано, как Пау Амма поднимается из Моря; ростом он больше дыма трёх вулканов.

И Пау Амма сказал:

– Я пока ещё не решил. Гляди! Вот та девочка, что заметила, как я уходил в Начале всех Начал. Если б она тогда не смолчала, Великий Маг позвал бы меня назад и ничего б такого не случилось. А она что для меня сделает?

И девочка сказала:

– У меня есть замечательный орешек. Я отдам его тебе вместе с этими ножницами, очень крепкими и острыми. Если ты хочешь, я наколдую, чтоб ты и твои дети, выйдя на сушу, могли целый день есть вот такие кокосовые орехи. А ещё, чтобы ты мог этими ножницами вырыть себе Пусат Тасек, когда поблизости не будет ни норки, ни камня. А если земля окажется слишком твёрдой, ты сможешь с помощью тех же ножниц залезать на деревья.

И Пау Амма сказал:

– Я пока ещё не решил. Потому что такому мягонькому все эти подарки ни к чему. Отдай мне мой панцирь, Великий Маг, и я буду играть в твою игру.

И Великий Маг сказал:

– Я верну его тебе, Пау Амма, на одиннадцать месяцев в году. Но в двенадцатый месяц каждого года он опять будет становиться мягким, чтобы напоминать тебе и всем твоим детям о моей волшебной силе и держать тебя в смирении, Пау Амма. Ибо, сдаётся мне, что если ты будешь бегать по воде и по суше, то станешь ужасно дерзким, а если ещё сумеешь лазить по деревьям, щёлкать орехи и рыть своими ножницами норы, то вдобавок станешь ужасно прожорливым, Пау Амма.

Тогда Пау Амма немножко подумал и сказал:

– Ладно, я решил. Я беру все подарки.

Тогда Великий Маг повелительно поднял правую руку – все пять пальцев правой руки, и тут же, мой милый, Пау Амма стал уменьшаться, уменьшаться и уменьшаться, пока не превратился в малюсенького зеленоватого крабика – он плавал по воде возле лодки и кричал тоненьким голоском:

– Отдайте же мне ножницы!

И девочка подобрала его своей загорелой ручкой, и посадила его на дно лодки, и отдала ему ножницы; он размахивал ими, держа в лапках, открывал и закрывал их, щёлкал ими и наконец сказал:

– Теперь я могу есть орехи. Могу открывать ракушки. Могу рыть норы. Могу лазить по деревьям. Могу дышать на суше и устраивать себе безопасный Пусат Тасек под каждым камнем. А я и не знал, что я столь важная особа! Кун? (То есть «Верно?»)

– *Пайя кун*, – сказал Великий Маг, и он рассмеялся и благословил его.

И маленький Пау Амма спрыгнул в воду с борта лодки; он был такой крошечный, что мог спрятаться под тенью сухого листочка на земле или в пустой раковине на дне моря.

– Ну как, хорошо всё сработано? – спросил Великий Маг Человека.

– Да, – ответил тот. – Но теперь надо плыть назад в устье реки Перак, а грести одним веслом тяжело. Если б мы дождались, когда Пау Амма выйдет из Пусат Тасек и вернётся домой, вода сама понесла бы нас назад.

– А ты ленив, – сказал Великий Маг. – Значит, и дети твои будут ленивы. Они будут самыми ленивыми людьми на свете и делать всё будут мало-помалу – вот и прозовут их *малайцами*. – И он поднял палец вверх и сказал: – Эй, Рыбак с Луны, этот Человек слишком ленив, чтобы идти домой на вёслах. Подтащи его лодку своей леской, Рыбак.

– Нет, – сказал Человек. – Коли мне суждено весь век лениться, пусть уж Море трудится на меня дважды в день. Тогда не надо будет грести. *Кун?* (То есть «Верно?»)

И Великий Маг рассмеялся и сказал:

– *Пайя кун.* (То есть «Вполне»).

И Крыса, жившая на Луне, перестала перекусывать леску, Рыбак спустил леску до самой глади Моря и поволок его вперёд, мимо острова Бинтан, мимо Сингапура, мимо Малакки, мимо Селагора, пока наконец лодка снова не очутилась в устье реки Перак.

– *Кун?* – спросил Рыбак с Луны.

– *Пайя кун,* – ответил Великий Маг. – Помни, теперь тебе надлежит веки вечные тянуть Море дважды в день и дважды в ночь, чтобы малайским рыбакам не было надобности грести. Но будь осторожен – не тяни слишком сильно, иначе мне придётся проучить тебя, как Пау Амму.

Потом они поднялись вверх по реке Перак и легли спать, мой милый. А теперь слушай внимательно.

С того самого дня Луна неизменно тянет Море вверх и вниз и устраивает то, что мы называем приливами и отливами. Иногда этот Удильщик, зацепив на крючок Море, тянет его слишком сильно, и у нас начинается половодье, а иногда он тянет слишком слабо, и бывает то, что мы зовём «низкой водой». Но по большей части он делает всё как положено, потому что боится Великого Мага.

Ну а как Пау Амма? Гуляя по морскому берегу, ты можешь видеть, как все его детишки роют себе Пусат Тасек под любым камнем, любым пучком водорослей на песке. Можешь видеть, как они помахивают своими маленькими ножницами; а в иных странах и вправду живут на суше, взбираются на пальмы и едят кокосовые орехи, в точности как обещала та маленькая девочка. Но раз в году все Пау Аммы должны сбрасывать с себя твёрдый панцирь и становиться совсем мягкими – чтобы не позабыть воли Великого Мага. И просто нечестно ловить и убивать малюток Пау Аммы лишь потому, что старый Пау Амма был глуп и дерзок много лет назад.

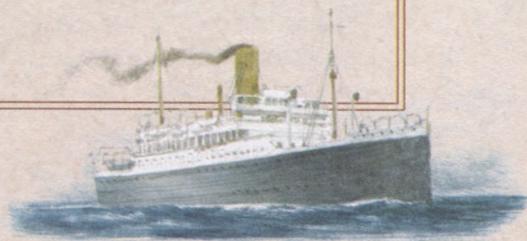
И уж конечно, малютки Пау Аммы ужасно не любят, чтоб их вытаскивали из их убежищ и несли домой в банках из-под маринада. Вот почему они щиплют тебя своими клешнями, и, право же, поделом!

Кто в Индийский океан
Вёл по водам караван,
Проходил, ручаюсь вам,
Уж не раз по тем местам,
Где на дне большая яма
И живёт наш Пау Амма,
Прямиком на том пути,
Как в Австралию идти.
А ещё тот адрес знает,
На Би Айз кто проплывает.
Знают дом тот рыбаки
И лихие моряки;
Транспорт, груженный треской,
Здесь проходит стороной;
В Сингапур кому поход,
Те идут чуть-чуть в обход,
Ну, а кто плывёт на Лагос,
Тем дорога эта в тягость —
Никаких там нет путей
Для идущих в Би Эс Эй.
Кто ошибкой заплывёт,
Тех буксир уволочёт.

А чтоб толком всё понять,
Вам там надо побывать.

Ну а если ты не можешь этого дожидаться, попроси у взрослых «Таймс», и на второй странице слева наверху отыщи раздел «Судоходство»; потом возьми географический атлас (он лучше всякой книжки с картинками на свете) и постарайся найти на карте названия мест, где проходят маршруты судов. Каждому мальчику, у которого есть игрушечный пароходик, надо уметь разбираться в подобных вещах. А если ты ещё не научился читать, пусть кто-нибудь всё это тебе покажет.

КОШКА, ГУЛЯВШАЯ САМА ПО СЕБЕ

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими. Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая – и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка – она бродила где вздумается и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему – при первой же встрече, – что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

– Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажатой на раскалённых камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начинённую диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошёл и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она

подбросила поленьев в огонь и затынула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

– О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце моё: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пёс задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

– Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдём со мною!

– Ну нет, – ответила Кошка. – Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

– Ну, тогда я тебе не товарищ, – сказал Дикий Пёс и побежал к Пещере во весь дух.

Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по своей собственной воле». И она тихонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно всё.

Когда Дикий Пёс подошёл к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

– Вот уже пришёл первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И ответил Дикий Пёс:

– Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пёс эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

– Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость.

Здесь нарисована Первая Пещера,
в которой жили Мужчина и Женщина.

И отвечала ему Женщина:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, поди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пёс забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

– О мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – что за глупец этот Пёс!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

– Что здесь делает Дикий Пёс?

И ответила Женщина:

– Его имя уже не Дикий Пёс, а Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдёшь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила её сушиться у огня, и, когда пошёл от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость – на широкую, большую лопатку, – снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул ногой и сказал:

– Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пёс не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

– Нет, – отвечала Кошка, – я, Кошка, брожу где вздумается и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конём, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно всё.

Услыхала Женщина конский топот, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

– А вот и второй идёт! Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

– Ты, мой Враг, Жена моего Врага, отвечай мне скорее, где Дикий Пёс?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на неё и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришёл сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

– Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя, – носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор. – Эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на неё только что сплетённую уздечку, идохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине и сказал:

– О моя Госпожа, о Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – какой он глупец, этот Конь!

И снова она бросилась в чащу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что слышала, никому не сказала ни слова.

Когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

– А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

– Не Дикий Конь уже его имя, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберёшься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задирать свою дикую

голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше; и всё случилось точно так же, как раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и, когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине своё молоко, Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всём, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пёс, Мужчина и Конь вернулись с охоты и Мужчина спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина ответила точно так же, как раньше:

– Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, наш Первый Друг да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы ещё кто-нибудь из Диких Зверей пришёл к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

– Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы? Женщина засмеялась и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подобру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

– Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила её Женщина:

– Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

– Должно быть, Дикий Пёс уж наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

– Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

– Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица, – нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

– Я знаю, что я умница, но что я красавица – не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

– А если ты дважды похвалишь меня? – спросила Кошка.

– Ну, этому не бывать, – сказала Женщина. – Но если это случится, входи и садись у огня.

– А что, если ты трижды похвалишь меня? – спросила Кошка.

– Ну, этому не бывать, – сказала Женщина. – Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до скончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

– Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

Когда в тот вечер Пёс, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своём договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

– А в Пещере – Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

– Отлично, – сказала Кошка. – А что же нравится Младенчику?

– Мягкое и гладкое, – ответила Летучая Мышь. – Как идти спать, он берёт в ручонки что-нибудь тёплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и всё, что ему нравится.

– Отлично, – сказала Кошка. – Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела невдалеке до самого утра. Утром Пёс, Мужчина и Конь

Здесь нарисована Кошка, которая
разгуливала одна, дикая и одинокая,
по сырым диким лесам и помахивала
своим диким хвостом.

ушли на охоту, а Женщина занялась стряпнёй. Ребёнок плакал и отрывал её от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу, и погладила Ребёнка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом защекотала ему подбородок. Ребёнок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь – маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

– О Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь, и как славно она играет с твоим Ребёнком!

– Спасибо Дикой Твари, – сказала Женщина, разгибая спину. – У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду – бух, бух! – падает Лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять её, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобнее и сидит.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. Ты похвалила меня – и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребёнок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – послушай, что я тебе скажу: возьми и оторви кусочек нитки от той, которую ты прядёшь, привяжи к ней своё веретёнце, и я так наколдую тебе, что Ребёнок сию же минуту засмеётся и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

– Ладно, – сказала Женщина. – Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретёнце и потянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его

к себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку, – и вот Ребёнок засмеялся ещё громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская её из рук.

– А теперь, – сказала Кошка, – я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче, – Ребёнок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

– Это была неплохая работа! Что бы там ни было, всё же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить – *пффф!* – дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у тёплого очага, и отсюда не уйду во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни, – и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – это ты вызвала Мышку своим колдовством?

– Ай-ай-ай! Нет! – закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

– Ну, если ты не заколдовала её, – сказала Кошка, – мне будет не вредно её съесть!

– Конечно, конечно! – сказала Женщина, заплетая косу. – Съешь её поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

– Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как – *трах!* – в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, – треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока – во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

– О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключён, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернуться домой.

– Какое мне до этого дело! – сказала Кошка. – Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им всё как есть о своём договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

– Всё это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремнёвый топор (итого три предмета), принёс со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил всё это в ряд и сказал:

– Давай и мы заключим договор. Ты живёшь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей – посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

«Да, Кошка умна, а Мужчина умнее».

Кошка сосчитала все вещи – они были довольно тяжёлые – и сказала: – Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но всё же я Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

– Гуляй, гуляй, – отозвался Мужчина, – да только не там, где я. Попадёшься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пёс и сказал:

– Погоди. Теперь мой черёд заключать договор. А через меня договор будет заключён и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня. – Он оскалил зубы и показал их Кошке. – Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребёнком, – продолжал он, – я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда я поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

«Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки».

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

– Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребёнком, если только Ребёнок не станет слишком больно таскать меня за хвост. Но не забудьте: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

– Гуляй, гуляй, – отозвался Пёс, – да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремнёвым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пёс погнался за ней и загнал её вверх на дерево, – и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти – если они настоящие Мужчины – швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попала им на глаза, и все Псы – если они настоящие Псы, – все до одного, загоняют её вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору.

Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают её за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдёт луна, сейчас же она говорит: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе», – и бежит в чашу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

Кошка чудесно поёт у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвёт, догоняя меня,
Пробку с продетой верёвкой.

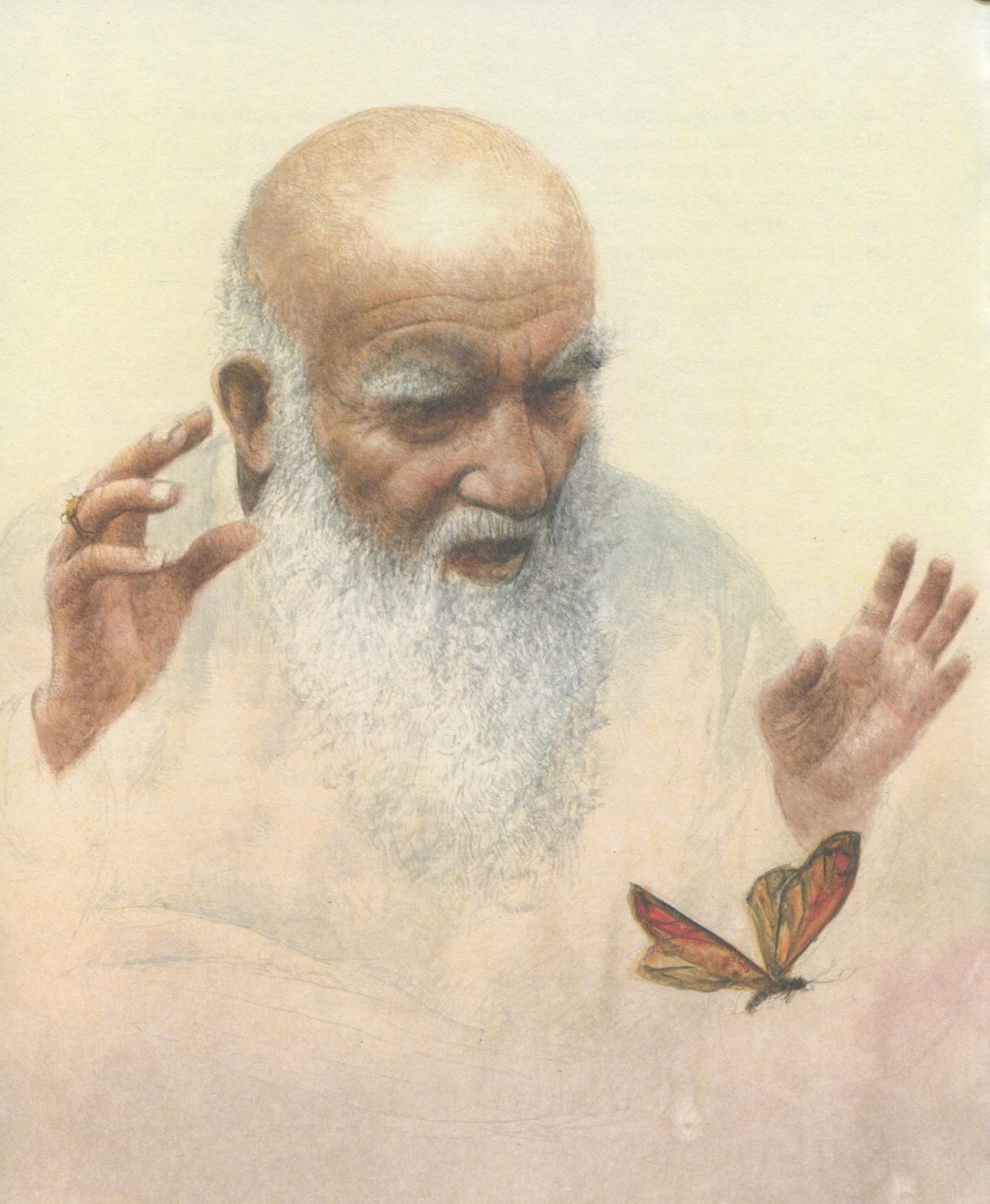
Всё же с тобою мы делим досуг,
Бинки, послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке), –

Кошка, царапаясь, рвётся из рук,
Фыркает, воет, мяучит.
Бинки – мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трётся о ваши колени.
Только вы ляжете – кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь,
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь, –
Значит, он друг настоящий!

МОТЫЛЁК, КОТОРЫЙ ТОПНУЛ НОГОЙ

Вот тебе, милый мой мальчик, новая чудесная сказка – совсем особенная, не похожая на все остальные, – сказка о мудрейшем царе Сулеймане-ибн-Дауде. На свете существует триста пятьдесят сказок о Сулеймане-ибн-Дауде; но эта сказка не из их числа. Эта сказка – о Мотыльке, который топнул ногой.

Так слушай же, слушай внимательно!

Сулейман-ибн-Дауд был мудрец. Он понимал, что говорят звери, что говорят птицы, что говорят рыбы, что говорят насекомые. Он понимал, что говорят камни глубоко под землёй, когда они давят друг друга и стонут. И он понимал, что говорят деревья, когда они шелестят на рассвете листвою. Он понимал всех – и осу, и лису, и осину в лесу. И прекрасная царица Балкида, его Первая и Главная царица, была почти такая же мудрая.

Сулейман-ибн-Дауд был могуч. На среднем пальце правой руки у него было золотое кольцо. Стоило ему повернуть это кольцо, как из-под земли вылетали Африты и Джинны и делали всё, что он вздумает им приказать. А стоило ему повернуть кольцо дважды, с неба спускались Феи и тоже делали всё, что он вздумает им приказать. Когда же он поворачивал своё кольцо три раза, перед ним появлялся с мечом сам великий ангел Азраил в одежде простого водоноса и сообщал ему обо всём, что происходит на земле, на небесах и под землёй.

И всё же Сулейман-ибн-Дауд был человек очень скромный. Он почти никогда не хвастался, а если ему случалось похвастаться, он потом жалел об этом и раскаивался.

Однажды он объявил, что желает накормить в один день всех зверей, какие только существуют на свете, но, когда он приготовил еду, из глубины моря выплыла какая-то большая Зверюга и сожрала всё в три глотка. Сулейман-ибн-Дауд был очень удивлён и сказал:

– О Зверюга, кто ты такая?

И Зверюга ответила:

– О повелитель! Желаю тебе здравствовать во веки веков! Я самый маленький из тридцати тысяч братьев, и мы живём на дне моря. Мы прослышали, что ты хочешь накормить всех зверей, какие только существуют на свете, и мои братья послали меня узнать у тебя, скоро ли будет обед.

Сулейман-ибн-Дауд был страшно удивлён и сказал:

– О Зверюга, ты сожрала весь обед, приготовленный мною для всех зверей, какие только существуют на свете.

И сказала ему Зверюга:

– О владыка, желаю тебе здравствовать во веки веков! Но неужели ты и в самом деле называешь *это* обедом? Там, откуда я пришла, каждому из нас требуется вдвое больше еды, чтобы перекусить между обедом и ужином.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд пал ниц и воскликнул:

– О Зверюга, я приготовил этот обед, чтобы показать всем, какой я великий и богатый царь, а вовсе не потому, что я действительно люблю зверей! Теперь я посрамлён, и да послужит мне это хорошим уроком.

Сулейман-ибн-Дауд был и вправду мудрец, милый мой мальчик. После этого случая он никогда уже не забывал, что хвастаться глупо. И вот теперь-то начинается настоящая сказка.

У Сулеймана-ибн-Дауда было много жён. У него было девятьсот девяносто девять жён, если не считать Прекраснейшей Балкиды. Все они жили в большом золотом дворце посреди прелестного сада с фонтанами.

На самом деле Сулейману-ибн-Дауду вовсе не нужны были девятьсот девяносто девять жён, но в то время у всякого было по несколько жён, так что Царю, конечно, приходилось брать себе ещё больше, чтобы показать, что он Царь.

Одни из них были красавицы, другие просто уроды. Уроды вечно враждовали с красавицами, и те от этого тоже становились уродами, и все они ссорились с Сулейманом-ибн-Даудом, что причиняло ему большие страдания. Одна лишь Прекрасная Балкида никогда не ссорилась с Сулейманом-ибн-Даудом, слишком уж она любила его. Она либо сидела

у себя в золочёном дворце, либо гуляла по дворцовому саду, и ей очень было жалко Сулеймана-ибн-Дауда.

Конечно, если бы он пожелал повернуть у себя на пальце кольцо и позвал Джиннов и Афритов, они превратили бы всех его девятьсот девяносто девять жён в белых ослиц, или в борзых собак, или в зёрна граната. Но Сулейман-ибн-Дауд боялся снова оказаться хвастунишкой.

Поэтому, когда его сварливые жёны ссорились слишком уж громко, он только уходил в укромный уголок своего дворцового сада и проклинал тот час, когда он родился на свет.

Однажды случилось так, что они ссорились уже три недели подряд – все девятьсот девяносто девять жён. Сулейман-ибн-Дауд удалился от них, как обычно, в мирный уголок. И среди апельсиновых деревьев он встретил Балкиду Прекраснейшую. И она сказала:

– О мой господин, свет моих очей, поверни у себя на пальце кольцо и покажи этим египетским, месопотамским, китайским, персидским царицам, какой ты великий и грозный владыка.

Но Сулейман-ибн-Дауд покачал головой и ответил:

– О моя госпожа, радость моей жизни, вспомни Зверюгу, которая выплыла из морской глубины и посрамила меня перед всеми зверями, какие только есть на земле, из-за того, что я вздумал похвастаться. Теперь, если я стану хвастать перед этими персидскими, абиссинскими, китайскими, египетскими царицами лишь из-за того, что они надоедают мне своей болтовнёй, я могу ещё сильнее осрамиться.

И Балкида Прекраснейшая сказала в ответ:

– О мой господин, сокровище моей души, что же ты будешь делать?

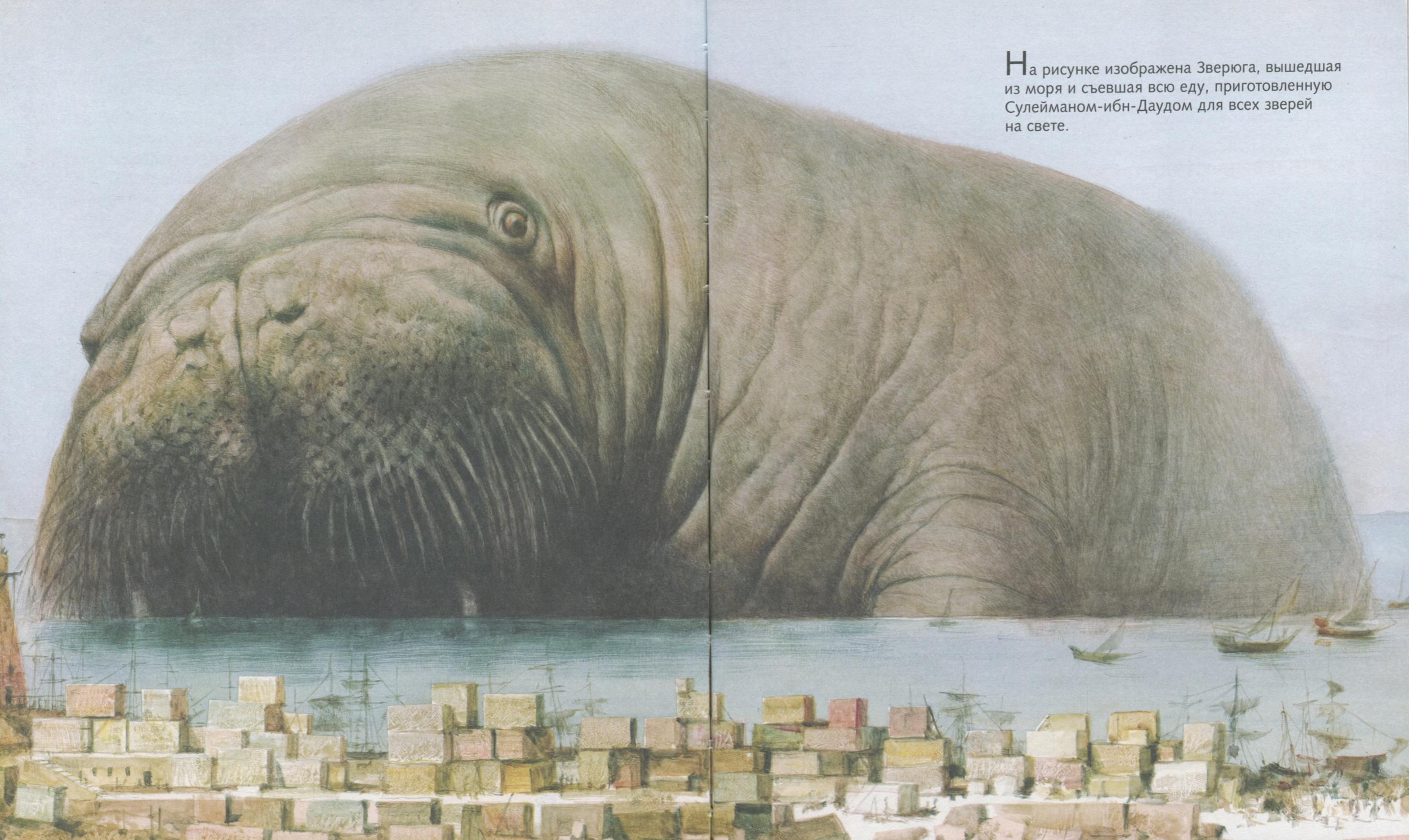
И Сулейман-ибн-Дауд ответил:

– О моя госпожа, услада моего сердца, придётся вверить свою судьбу в руки тех девятисот девяноста девяти цариц, которые выводят меня из терпения своими беспрестанными ссорами.

И он пошёл мимо лилий и японской локвы, мимо роз, канн и пахучего имбиря, которые произрастали в саду, и пришёл к огромному камфорному дереву, которое прозвали Камфорное Дерево Сулеймана-ибн-Дауда.

Но Балкида спряталась меж высоких ирисов, пятнистых бамбуков и красных лилий, чтобы быть поближе к возлюбленному своему Сулейману-ибн-Дауду.

На рисунке изображена Зверюга, вышедшая из моря и съевшая всю еду, приготовленную Сулейманом-ибн-Даудом для всех зверей на свете.

В это время под деревом пролетали два мотылька. Они ссорились.

Сулейман-ибн-Дауд услышал, что один из них сказал другому:

– Как ты смеешь говорить со мною так дерзко и грубо? Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой – и разразится гроза и весь дворец Сулеймана-ибн-Дауда, и весь этот сад провалятся в тартарары!

Тогда Сулейман-ибн-Дауд забыл про всех своих девятьсот девяносто девять сварливых жён и засмеялся. Он смеялся над хвастовством Мотылька, и смеялся так долго, что затряслось даже камфорное дерево. И он протянул палец и сказал:

– Поди-ка ты сюда, человек!

Мотылёк страшно испугался, но ничего не поделаешь, пришлось ему подлететь к Сулейману-ибн-Дауду и сесть, трепеща крылышками, на его протянутый палец. Сулейман-ибн-Дауд наклонил голову и тихонько прошептал:

– Ах, человек, тебе же отлично известно, что, сколько бы ты ни топал ногой, от этого не шелохнётся даже травинка. Почему же ты так беззастенчиво лжёшь своей жене? Ведь это верно, что она твоя жена?

Мотылёк поглядел на Сулеймана-ибн-Дауда и увидел мудрейшие очи Царя, мерцавшие, как звёзды в морозную ночь. И он сложил крылышки, и наклонил голову, и собрал всё своё мужество, и сказал:

– В самом деле, это моя жена, а ты сам хорошо понимаешь, что они такое, наши жёны.

Сулейман-ибн-Дауд ухмыльнулся в бороду и ответил:

– Да, брат мой, мне это отлично известно.

– Надо же держать их в послушании, – сказал Мотылёк. – А моя жена ругает меня уже целое утро, и я припугнул её, чтобы она перестала бушевать и браниться.

И Сулейман-ибн-Дауд сказал:

– Что ж, может быть, это и в самом деле утихомирит её. Иди к своей жене, о мой брат, а я послушаю, что ты скажешь ей.

Полетел Мотылёк обратно к своей жене, которая сидела под листком и трепетала от страха. И она воскликнула:

– Он слышал твои слова! Сулейман-ибн-Дауд слышал, что ты сказал!

– Слышал, – отвечал Мотылёк. – Я и хотел, чтоб он слышал.

– И что же он сказал? О, что же он сказал?

– Ну, – отвечал Мотылёк, важно помахивая крылышками, – между нами, дорогая (конечно, я не обвиняю его, потому что дворец очень дорого стоит, да и апельсины как раз поспевают). В общем, он просил меня не топтать, и я обещал, что не топну.

– Боже мой! – воскликнула жена Мотылька и притихла, а Сулейман-ибн-Дауд смеялся до слёз над бесстыдством этого пройдохи.

Балкида Прекраснейшая стояла за деревом среди алых лилий и улыбалась украдкой, так как она слышала весь разговор. И она подумала: «Если я в самом деле мудрая, я могу избавить моего господина от докучающих ему сварливых цариц». Она протянула палец и тихонько прошептала жене Мотылька:

– Крохотная женщина, поди-ка сюда!

Бабочка ужасно испугалась, но ничего не поделаешь, она подлетела к Балкиде и уселась на её белой руке.

Балкида наклонила свою прекрасную голову и прошептала:

– Крохотная женщина, неужто ты и вправду поверила тому, что сказал тебе муж?

Бабочка взглянула на Балкиду и увидела очи Прекрасной царицы, блестящие, как блестит озеро в лунную ночь. Бабочка сложила крылышки и, собрав всё своё мужество, сказала:

– О царица, красуйся во веки веков! Ты же знаешь, что такое мужья!

И царица Балкида, мудрая Балкида Савская, подняла руку к губам, чтобы скрыть улыбку, и сказала:

– Да, сестра моя, знаю.

– Они выходят из себя по пустякам, – сказала Бабочка, быстро-быстро раскрывая и складывая крылышки, – и мы должны ублажать их, о царица, чтобы они не ворчали. Они никогда не думают даже половины того, что говорят. Если мужу моему так хочется верить, будто я поверила, что стоит ему топнуть ногой и дворец Сулеймана-ибн-Дауда исчезнет, пускай себе верит, не стану ему возражать. Всё равно завтра он об этом забудет.

– Да, сестра моя, ты совершенно права, – сказала Балкида, – но, когда он в следующий раз начнёт перед тобою похвально, поймай его на слове. Скажи ему, чтобы он и в самом деле топнул ногой, и посмотри, что из этого выйдет. Он будет сильно посрамлён. Вот увидишь.

Бабочка улетела к своему Мотыльку, а через пять минут они уже ссорились, ещё сильнее, чем прежде.

– Вспомни, – сказал Мотылёк, – вспомни, что я могу сделать, если топну ногой!

– Я тебе нисколько не верю, – ответила Бабочка, – и я была бы рада поглядеть, как это у тебя получится! Топни! Топни! Пожалуйста, топни!

– Я обещал Сулейману-ибн-Дауду не топнуть, и я не хочу нарушать своё слово.

– Сколько ни топай, всё равно ничего не получится. Даже маленькая травинка и та не шелохнётся. Что же ты не топаешь? Топни! Топни! Говорю тебе: топни!

Сидя под камфорным деревом, Сулейман-ибн-Дауд слышал каждое слово и смеялся так, как ещё никогда не смеялся.

Он забыл про цариц, он забыл про Зверюгу, выплывшую из морской глубины, он забыл про своё хвастовство. И Балкида, стоя за деревом, тоже смеялась, потому что её возлюбленному было так весело.

Но вот Мотылёк, раздражённый, взволнованный, снова спустился под камфорное дерево и сказал Сулейману-ибн-Дауду:

– Она хочет, чтобы я топнул. Она хочет поглядеть, что из этого выйдет. О Сулейман-ибн-Дауд, ты же знаешь, что у меня ничего не получится! И теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и будет смеяться надо мной до конца моих дней.

– Нет, о брат мой, – сказал Сулейман-ибн-Дауд, – этого не будет, уверяю тебя.

И он повернул на пальце кольцо (только для того, чтобы помочь Мотыльку, а не для того, чтобы похвастаться своим всемогуществом), и в мгновение ока четыре огромных Джинна возникли перед ним из-под земли.

– Рабы, – сказал Сулейман-ибн-Дауд, – когда этот господин, что сидит у меня на пальце (там сидел хвастливый Мотылёк), – топнет левой передней ногой, сделайте так, чтобы разразилась гроза, грянул гром и этот дворец и все эти сады сгинули с глаз, исчезли. Когда же он топнет опять, осторожно поставьте их на прежнее место.

– Теперь, о брат мой, – сказал он Мотыльку, – отправляйся к жене и топай в своё удовольствие.

Мотылёк подлетел к жене, которая всё это время кричала:

– Что же ты не топаешь? Топни! Ну, топни же! Топни!

За оградой, окружавшей дворец, Балкида увидела четырёх Джиннов и сказала:

– Наконец-то Сулейман-ибн-Дауд для спасения Мотылька сделает то, что давным-давно должен был сделать для собственного спасения: угомонит этих сварливых цариц.

Мотылёк топнул. Джинны подхватили дворец и сады и унесли их по воздуху за тысячу миль. Послышался страшный гром, и небо стало чернее чернил. А Бабочка летала во тьме и кричала:

– О, я больше не буду браниться! И зачем я подстрекала его! Мой любимый, мой милый муж, возврати назад и дворец, и сады, и я больше никогда не стану перечить тебе!

Мотылёк и сам испугался не меньше своей жены, а Сулейман-ибн-Дауд хохотал так, что в первую минуту даже не мог прошептать Мотыльку:

– Топни опять, о брат мой, верни мне мой дворец, о великий волшебник!

Здесь нарисовано, как четверо Джинов с белыми крыльями, как у чаек, поднимают дворец султана Сулеймана в ту самую минуту, когда Мотылёк топнул ногой.

– Да, верни ему дворец! – воскликнула жена Мотылька, которая летала во тьме, как ночная бабочка. – Верни ему дворец и не занимайся больше таким ужасным чародейством!

– Ладно, дорогая, так и быть! – сказал Мотылёк, всячески стараясь придать себе храбрости. – Вот видишь, что получилось оттого, что ты придиралась ко мне. Понятно, я лично нисколько не беспокоюсь о том, вернётся ли дворец или нет, такие дела для меня не впервой, но из уважения к тебе и к Сулейману-ибн-Дауду я не возражаю против того, чтобы всё воротилось на место.

И он топнул ещё раз, и в ту же секунду Джинны без единого толчка водрузили и сады и дворец на прежнее место.

И всё было по-прежнему. Тёмно-зелёная листва апельсиновых деревьев ярко сверкала на солнце, фонтаны играли меж алых египетских лилий, птицы пели как ни в чём не бывало, а жена Мотылька лежала на боку под камфорным деревом. Крылышки у неё трепетали, и, задыхаясь, она повторяла:

– Прости меня! Я больше не буду!

Сулейман-ибн-Дауд так смеялся, что с трудом мог вымолвить слово. На него напала икота. Изнемогая от смеха, он протянул Мотыльку палец и сказал:

– О великий волшебник, что из того, что ты возвратил мне дворец, если веселье, которое ты мне доставил, сведёт меня сегодня же в могилу?

Тут раздался страшный шум, потому что из дворца выбежали все девятьсот девяносто девять цариц и стали пронзительно кричать, и визжать, и звать своих малых детей. Они бежали по мраморной лестнице, спускавшейся вниз от фонтанов, – сто женщин на каждой ступени.

Премудрая Балкида выступила величаво вперёд, встретила их и сказала:

– Чего это вы так испугались, царицы?

Они же стояли на мраморной лестнице – сто женщин на каждой ступени – и кричали:

– Чего мы испугались? Это всякому ясно! Ведь мы жили себе поживали в своём золотом дворце, и вдруг наш дворец исчезает неизвестно куда, и мы попадаем в крошечную тьму, и над нами грохочет гром, и Джинны и Африты шныряют во тьме! Вот чего мы испугались,

о царица цариц, и мы чрезвычайно испуганы нашим испугом, ибо это самый страшный испуг из всех испугов, какие приводилось нам испытывать за всю нашу жизнь.

Тогда Балкида, Прекраснейшая царица, любимейшая из всех жён Сулеймана-ибн-Дауда, почти столь же премудрая, как сам Сулейман-ибн-Дауд, сказала:

– Ничего особенного не произошло, о царицы. Просто Мотылёк пожаловался на свою жену, которая ссорилась с ним, а Сулейману-ибн-Дауду захотелось научить её кротости и вежливой речи, ибо это считается добродетелью среди мотыльковых жён.

И тогда встала египетская царица, дочь фараона, и сказала:

– Наш дворец нельзя вырывать с корнем, как порей, ради какой-нибудь ничтожной букашки. Нет! Сулейман-ибн-Дауд, должно быть, уже скончался, и земля сотряслась от горя, и загремели небесные громы, и на землю спустилась тьма.

Тогда Балкида, не поднимая глаз, поманила к себе пальцем эту дерзкую царицу и сказала ей, да и всем остальным:

– Вы можете пойти и поглядеть.

Они спустились по мраморной лестнице широкими рядами – в каждом ряду была сотня цариц – и под камфорным деревом увидели премудрого царя Сулеймана-ибн-Дауда, всё ещё изнемогавшего от смеха. Он сидел и покачивался взад-вперёд, и на одной руке у него был Мотылёк, а на другой жена Мотылька. И царицы слышали, как он говорит:

– О жена моего брата, который летает по воздуху, запомни же отныне и на веки веков, что ты должна угождать своему мужу во всём, иначе он рассердится и топнет ногой опять, ибо он великий чародей и колдун и может, когда ему вздумается, похитить дворец у самого Сулеймана-ибн-Дауда... Ступайте же с миром, вы оба.

Он поцеловал у них крылышки, и они улетели прочь.

Тогда все царицы, которые до сих пор всё ещё стояли и улыбались, все, кроме Прекрасной и Великолепной Балкиды, пали ниц, потому что они сказали себе: «Если творятся такие дела из-за того, что Мотылёк недоволен своею женою, что же будет с нами, докучающими своему повелителю криками и буйными ссорами?»

И они накинули на голову прозрачные ткани и, зажав себе ладонями рот, тихо, как мыши, удалились к себе во дворец.

Тогда Балкида, Прекраснейшая и Великолепная, вышла из зарослей алых лилий под сень камфорного дерева и, положив руку на плечо Сулейману-ибн-Дауду, сказала:

– О господин мой, сокровище моей души, радуйся, потому что мы дали всем этим царицам Египта, Эфиопии, Персии, Индии, Китая хороший урок, который они запомнят навеки.

И Сулейман-ибн-Дауд, всё ещё глядя на мотыльков, игравших в лучах солнца, спросил:

– О моя госпожа, драгоценный камень моей радости, когда же это случилось? Ведь как только я вошёл в сад, я принялся шутить над Мотыльком.

И он рассказал Балкиде всё, что он делал в то время.

И Балкида, ласковая, милая Балкида сказала:

– О мой господин, владыка моей жизни! Я спряталась за камфорным деревом и видела всё своими глазами. Это я надоумила Бабочку, чтобы та заставила Мотылька топнуть, ибо я надеялась, что мой господин шутки ради совершит какой-нибудь волшебный поступок, который испугает цариц.

И она рассказала ему всё, что подумали, увидели и сказали царицы. Тогда Сулейман-ибн-Дауд встал под камфорным деревом, протянул руки и в веселии сердца сказал:

– О моя госпожа, сладость моих дней, знай, что, если бы я со злости или по внушению гордости применил к царицам моё волшебство, я мог бы осрамиться опять, как осрамился тогда, когда устроил пиршество для зверей всего мира. Но благодаря твоей мудрости я стал колдовать ради шутки, чтобы немного помочь Мотыльку, и, видишь, это спасло меня от моих докучливых жён. Так объясни мне, о моя госпожа, сердце моего сердца, как же ты достигла такой мудрости?

И царица Балкида, прекрасная, величавая, стройная, взглянула Сулейману-ибн-Дауду в глаза, склонила, подобно Мотыльку, свою голову набок и ответила:

– Во-первых, о мой господин, потому что я люблю тебя; а во-вторых, о мой господин, потому что я знаю, что такое сварливые жёны.

И они пошли во дворец и жили счастливо до скончания дней. Не правда ли, Балкида поступила умно?

Балкида мудра, другой такой
Не бывало на свете всём,
Но, как с другом, любила о том о сём
Поболтать она с Мотыльком.

Не бывало во веки веков царя
Мудрее, чем царь Соломон,
Но порой беседовал с Мотыльком,
Как мужчина с женщиной, он.

Царицей Савской была она,
Он был Азии властелин,
Но серьёзных вопросов, не будь
Мотылька,
Не решил бы из них ни один!

ОТ ХУДОЖНИКА

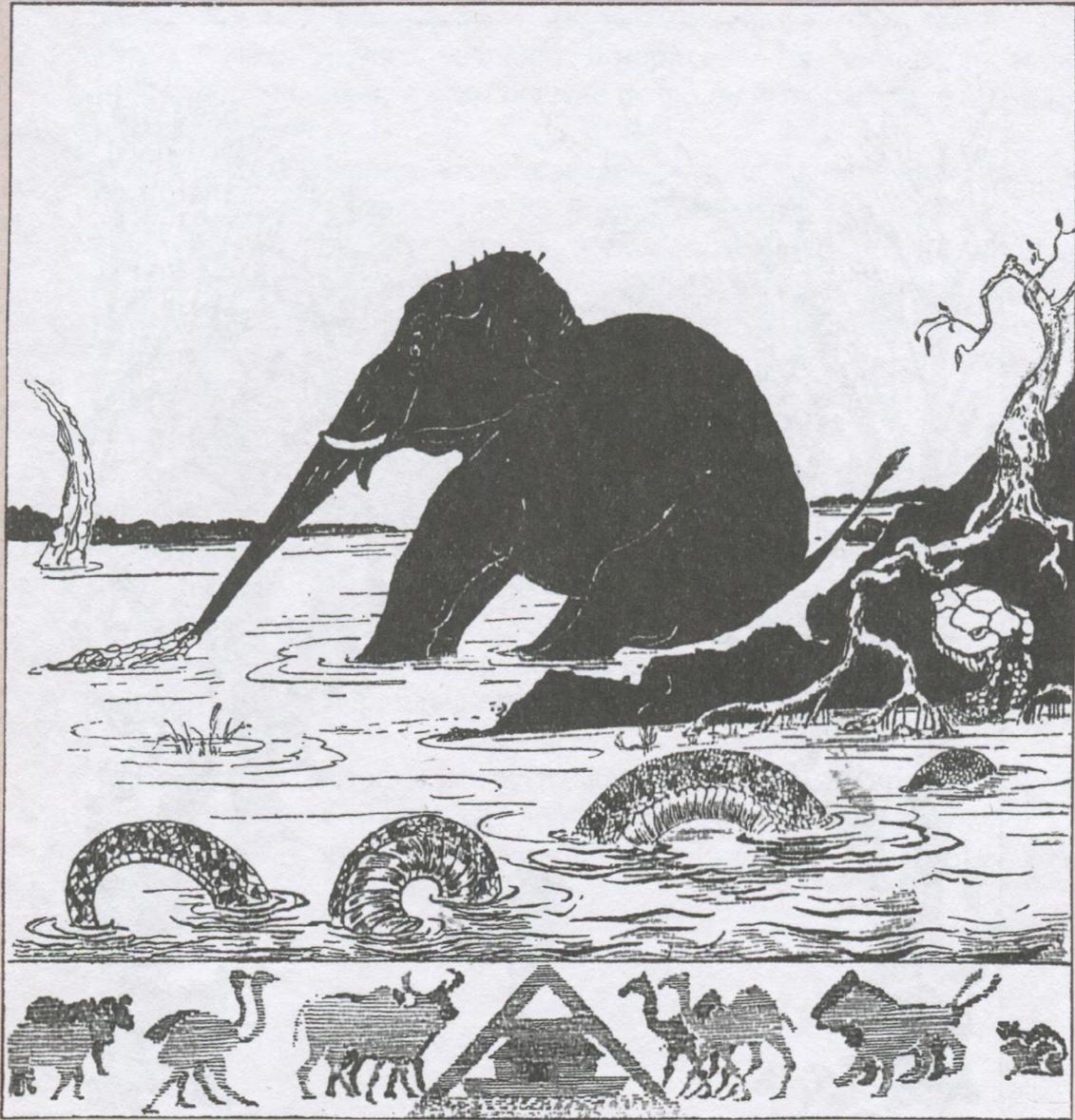
В этом издании классических детских сказок Редьярда Киплинга мы постарались раскрыть всю полноту его смелого и необычного воображения. Первоначально Киплинг сам рисовал иллюстрации к своим причудливым историям, хотя и понимал ограниченность своих художественных способностей, о чём прямо говорил в подписях к рисункам. Эти рисунки с подписями воспроизводились во множестве изданий за более чем сто лет, прошедших с появления книги в печати.

В этом издании тексты сказок приведены полностью, без каких-либо изменений и сокращений, однако с новыми иллюстрациями. Мы даже включили в сборник «The Tabu Tale» («Историю про тегумайские табу»), которая присутствует в первом американском издании 1903 года, а впоследствии редко публиковалась.

В наше издание не включены длинные подписи с пояснениями, а зачастую и с извинениями, которыми Киплинг сопровождал свои фантастические чёрно-белые иллюстрации. Мы приводим только рисунок к сказке о любопытном Слонёнке и пояснительную подпись к нему. Подписи к цветным иллюстрациям, выполненным мною, намного проще и короче.

«Это Слонёнок; Крокодил тянет его за нос. Слонёнок очень удивлён и поражён, и ему также очень больно, и он говорит в нос: «Пусти, мне больно!» Он изо всех сил старается выдернуть свой нос изо рта Крокодила; Крокодил же тащит Слоёнку в другую сторону. Двухцветный Питон скал плывёт на помощь Слоёнку. Чёрные полосы и пятна – берега большой серо-зелёной тихой реки Лимпопо (мне не позволили раскрашивать картинку) и деревья с изогнутыми корнями и восемью листьями – именно те деревья, от которых веет лихорадкой.

Ниже этой картинки нарисованы тени африканских животных, идущих в африканский Ноев ковчег. Здесь два льва, два страуса, два быка,

два верблюда, две овцы и много пар других животных, которые похожи на крыс, хотя лично мне кажется, что это кролики, которые живут среди скал. Все эти звери ничего не значат. Я нарисовал их, так как они мне показались хорошенькими; а если бы мне позволили их раскрасить, они стали бы прямо прелестны»*.

Также в нашем издании воспроизведена иллюстрация Киплинга к сказке «Кошка, гулявшая сама по себе» – на мой взгляд, один из лучших его рисунков. Однако, чтобы понять её, необходимо авторское пояснение.

Киплинг пишет: «Здесь нарисована Кошка, которая разгуливала одна, дикая и одинокая, по сырым диким лесам и помахивала своим диким хвостом. На картинке нет больше ничего, кроме грибов-поганок. Они выросли потому, что в лесу было очень сыро. Те тёмные пятна, которые ты видишь на нижних ветках деревьев, – не птицы. Это мох; он вырос на сучьях, потому что в лесу было так сыро.

Под большой картинкой – маленькая; на ней нарисована новая, более удобная Пещера; Мужчина и Женщина переселились в неё, когда у них родился ребёночек. Это была их летняя Пещера; перед ней они посеяли пшеницу. Мужчина едет на Лошади за Коровой; он хочет пригнать её домой, чтобы Женщина её подоила. Мужчина поднял руку; он машет ею Собаке, которая переплыла через реку на другой берег и там гоняется за кроликами»**.

Работая над иллюстрациями к сказкам Киплинга, я старался разгадать ход мысли автора не только как великого писателя, но и как художника и пришёл к выводу, что в качестве иллюстрации рисунок обретает дополнительную ценность от «тысячи слов».

Роберт Инглен

* Перевод К. Чуковского.

** Перевод К. Чуковского.

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

КИПЛИНГ ДЖОЗЕФ РЕДЬЯРД

СКАЗКИ

Ответственный редактор А. Ю. Бирюкова

Редактор Н. Н. Овчинникова

Технический редактор М. В. Гагарина

Корректор Н. В. Беляева

Вёрстка М. Ю. Ковригина

Подписано в печать 12.01.2015. Формат 84×100¹/₁₆.

Гарнитура «Charter». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72.

Доп. тираж 5000 экз. D-ING-13004-03-R. Заказ № 2839.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

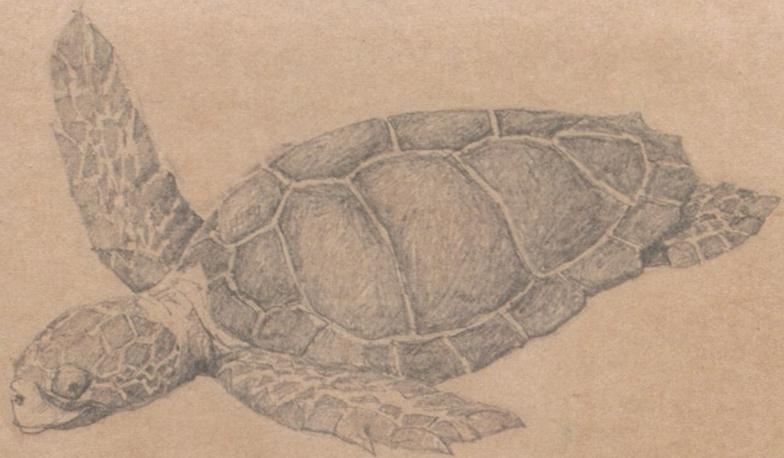
ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в филиале «Тверской
полиграфический комбинат детской литературы»
ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ
от 29.12.2010 г.)

A watercolor illustration of a man with a white beard and a red turban climbing a palm tree. He is wearing a striped loincloth. The background shows a tropical landscape with a beach, a body of water, and distant mountains under a warm, hazy sky. The man is holding a small object in his right hand.

Знаменитые сказки английского писателя Редьярда Киплинга обрели в этом издании новую жизнь благодаря великолепным иллюстрациям австралийского художника Роберта Ингпена.

Он получил всемирную известность как автор и иллюстратор более сотни различных книг. В 1986 году Р. Ингпен был удостоен Международной премии имени Х. К. Андерсена за вклад в детскую литературу. Роберт Ингпен проиллюстрировал такие произведения классической литературы, как «Остров Сокровищ», «Книга джунглей», «Алиса в Стране чудес», «Приключения Тома Сойера», «Питер Пэн и Венди», «Ветер в ивах», «Рождественская ёлка», «Удивительный волшебник из Страны Оз», «Таинственный сад», «Вокруг света в восемьдесят дней», «Приключения Пиноккио».

Издательство «Махаон» представляет вам эти замечательные книги.

